ARH Diss. B-26683

Тартуский Государственный Университет
Кафедра Истории СССР

В.И.ЛЕНИН КАК ЧЕЛОВЕК

дипломная работа

студента-заочника
Ворошилова Эдуарда

Руководитель работы:
кандидат исторических наук,
доцент Л.К.Эрингсон

TRÜ NN Lüdu ajaloo kat.
Inv. nr. 2230

Таллин. 1970

Введение

Владимир Ильич Ленин ... На земном шаре не найти теперь даже самого отдаленного уголка, где бы не знали это имя. У одних оно вызывает ненависть и страх, другие произносят его с глубоким уважением и любовью.

Имя Ленина бессмертно. Его благородные, возвышенные идеи оказывают все большее влияние на судьбы человечества, его великие дела вдохновляют миллионы тружеников на борьбу с темными силами реакции, за освобождение от гнета и насилия, за установление самого справедливого строя на земле - коммунизма.

Владимир Ильич Ленин с самой ранней молодости всего себя отдавал делу революции, делу рабочего класса. "Его жизнь - это постоянный, ежедневный подвиг, подчиненный одной великой цели - борьбе за счастье трудящихся".[I]

О Ленине много литературы. Из нее, а также из литературного наследия самого Ленина, мы знаем его не только как выдающегося последователя, но и как гениального продолжателя учения Маркса. Ленин, развивая марксизм, дал ответы на все коренные вопросы, которые новая эпоха поставила перед рабочим классом. Мы знаем Ленина как организатора и вождя революционной марксистской партии российского пролетариата. Мы знаем Ленина как величайшего стратега и непревзойденного тактика Великой Октябрьской социалистической революции, победоносному завершению которой в огромной степени способствовал его организаторский гений. Мы знаем Ленина и как создателя и руководителя первого в мире социалисти-

---

[I] В.И.Ленин, Биография, М.,1960, стр.УI.

ческого государства рабочих и крестьян. Но, к сожалению, в литературе довольно мало внимания уделяется Ленину как человеку, его взаимоотношениям с людьми, с родными и близкими, с товарищами по работе, его склонностям, вкусам и привычкам, его стилю и методам работы, отношению к музыке, литературе и искусству, то есть всему тому, где в очень большой степени проявляются убеждения человека, его мировоззрение.

Настоящая работа является попыткой на материале воспоминаний родных и соратников Ленина, а также на материале переписки Ленина с родными воспроизвести облик живого Владимира Ильича, каким он был в обыденной жизни, каким представляется автору данной работы.

"Понять Ильича как человека - значит глубже, лучше понять, что такое строительство социализма, значит почувствовать облик человека социалистического строя (в настоящее время есть все основания говорить о строительстве коммунизма и коммунистическом строе)".[I]

По мнению автора данной работы, задача, которая вытекает из приведенного высказывания Н.К.Крупской, является, наряду с освоением теоретического и практического наследия Владимира Ильича, не менее важной и значительной.

В свете решения этой задачи большой интерес представляют ленинские "Письма к родным",[2] по которым можно судить, до некоторой степени, об образе жизни Владимира Ильича, его привычках,

---

I Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, М.,1968, стр.472.

2 В.И.Ленин, Письма к родным 1893-1922, Соч.,изд.4, т.37.

склонностях, об отношении его к людям и т.д. Оговорка "до некоторой степени" не случайна. Во-первых, это далеко не полная переписка за указанный период, поскольку при частых переездах из города в город, при многочисленных обысках и арестах, которым подвергался то один, то другой член семьи Ульяновых, многие из писем Ленина либо попали в руки полиции и не были возвращены, либо утрачены иным путем. Во-вторых, на этих письмах лежит печать полицейских условий во времена царизма. Несмотря на то, что деловая переписка (все сообщения о революционных событиях, жизни партии и т.д.) велась между членами семьи Ульяновых конспиративно, ее отражение в замаскированной форме можно проследить и в легальной переписке, поскольку личная жизнь и революционная работа были тесно связаны. Поэтому и личная легальная переписка страдала из-за полицейских условий. Недаром Владимир Ильич в одном из писем к сестре, Марии Ильиничне, в Вологду, где она была в то время в ссылке, писал: "очень уже трудно в нашем (в твоем и моем особенно) положении вести переписку, как хочется".[I]

Тем не менее, письма Владимира Ильича представляют огромный интерес для характеристики его как человека.

Очень хороши в этом отношении "Воспоминания о В.И.Ленине" Н.К.Крупской, жены и друга Владимира Ильича. Очень много места в них уделяется политической и литературной деятельности Владимира Ильича. На фоне этой деятельности можно проследить взаимоотношения Владимира Ильича с Г.В.Плехановым, Ю.О.Мартовым, А.Н.Потресовым, В.И.Засулич, показано, как тяжело переживал он разрыв с ними.

[I] В.И.Ленин, Письма..., стр.433.

Немало ценного представляют страницы, где повествуется об отношении Владимира Ильича к представителям широких масс трудящихся, его постоянном интересе к жизни этих масс. Кроме того, довольно полное представление складывается и об образе жизни Владимира Ильича, его невзыскательности и неприхотливости в этом отношении. По воспоминаниям Н.К.Крупской можно судить и о том, как отдыхал Владимир Ильич в редкие часы досуга, каким развлечениям отдавал предпочтение, что нравилось ему в художественной литературе и т.д. Воспоминания Крупской ценны и тем, что охватывают довольно значительный период жизни Владимира Ильича, начиная с петербургского периода до его последних дней.

Много ценного почерпнул автор данной работы в "Воспоминаниях о Ленине" В.Д.Бонч-Бруевича,[I], где особенно подробно описан послеоктябрьский период жизни Владимира Ильича. Работая годами с ним рядом и выполняя его поручения, Владимир Дмитриевич сумел с большой любовью показать живого Ленина - вождя и человека. В его воспоминаниях Ленин - не одиночка, стоящий над окружающими, а человек, тесно связанный с народом. Мы видим его в кругу ближайших сотрудников, партийных товарищей, он очень внимательно прислушивался к голосу солдат с фронта и крестьян-ходоков из деревни. Владимир Дмитриевич сумел показать Ленина - чуткого и заботливого к своим товарищам человека. Мы видим Ленина и в кругу его семьи. В.Д.Бонч-Бруевич рассказывает о любви Ленина к матери, о его отношении к Надежде Константиновне. Перед нами простой, скромный и великий человек.

I В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, М., 1969.

Чрезвычайно интересны "Воспоминания родных о В.И.Ленине",[I] где описаны в основном детские годы и юность Владимира Ильича, показана обстановка демократической, передовой для своего времени семьи Ульяновых, которая в огромной степени способствовала формированию таких сторон личности Владимира Ильича, как воля, трудолюбие, целеустремленность, решительность, ненависть ко всякому злу. В воспоминаниях родных есть страницы, повествующие о любимых играх и развлечениях маленького Ленина, о его привязанности к близким.

О простоте и сердечности Ленина, об уважении и гуманном отношении его к каждому труженику рассказывается в сборнике "Ленин - товарищ, человек".[2] Он содержит многочисленные письма и записки Владимира Ильича, его резолюции на телеграммах, а также отрывки из воспоминаний рабочих, крестьян и представителей интеллигенции о Ленине. В этом сборнике Ленин показан таким, каким он был в повседневности, когда само собой и возникло то именно, что необходимо беречь как зеницу ока новым поколениям советских людей - ленинские нормы поведения в жизни.

Сборник воспоминаний современников "Вечно живой"[3] повествует в основном о деятельности Владимира Ильича в советский период. Воспоминания охватывают многие стороны деятельности Ленина, от руководства сборной страны до заботы о сохранении культурных

I Воспоминания родных о В.И.Ленине, М.,1955.

2 Ленин - товарищ, человек, М.,1962.

3 Вечной живой, М.,1965.

ценностей. Авторы воспоминаний отмечают характерные ленинские черты: революционную деловитость, настойчивость, напряженность темпа работы, резкую непримиримость к пустой декларации и фразе, умение работать коллегиально. Авторы многих воспоминаний отмечают необыкновенную чуткость Владимира Ильича, его любовь к людям труда, скромность, свойственную великим умам, простоту и доступность.

В настоящей работе автор использовал первые два тома "Воспоминаний о В.И.Ленине",[I] в которых широкий круг соратников и современников Владимира Ильича характеризуют его чрезвычайно многосторонне. Здесь мы встречаем Владимира Ильича в домашней обстановке и на прогулке, на охоте и в окрестностях Парижа и Лондона, Берлина и Женевы, где он любил бродить, наблюдая жизнь рабочих окраин. Здесь мы видим его за игрой в шахматы и в театре, поющим боевые песни пролетариата и играющим с детьми.

Нет нужды перечислять другие источники, за помощью к которым обращался автор в данной работе, пытаясь воспроизвести образ Ленина - товарища, друга, человека. Все они в той или иной степени позволяют открывать все новые и новые стороны необыкновенно многогранной и гармоничной личности Владимира Ильича.

I Воспоминания о В.И.Ленине, т.I и 2, М.,1969.

Г Л А В А I

БЫЛ ОН ПРОСТ И ПРЯМ

В своих воспоминаниях почти все современники и соратники Владимира Ильича Ленина высказывают единодушное мнение, что с первого взгляда он не производил впечатления той особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности. Во всяком случае, отсутствие внешнего показного блеска было отличительной чертой его личности.

Вот, например, что пишет Анатолий Васильевич Луначарский о своем первом впечатлении, которое осталось у него после первой встречи с Владимиром Ильичом: "Лично на меня с первого взгляда он не произвел слишком хорошего впечатления. Мне он показался по наружности своей как будто чуть-чуть бесцветным".[I]

В своем очерке А.В.Луначарский вспоминает, что впервые Владимира Ильича ему охарактеризовал Г.М.Кржижановский, который рассказал ему о Ленине довольно подробно. Характеризовал он его с энтузиазмом, обрисовал его огромный ум, нечеловеческую энергию, характеризовал его как необыкновенно милого, великолепного товарища, но в то же время отмечал, что Ленин прежде всего человек политический и что, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения. В борьбе, по словам Кржижановского, Ленин был беспощаден и прямолинеен.[2]

I А.В.Луначарский, Владимир Ильич Ленин, "Наука и жизнь", 1966, № I, стр.5.

2 Там же, стр.5.

Интересно отметить, что давая такую яркую характеристику Владимира Ильича как политического деятеля, Г.М.Кржижановский заметил, что с виду он похож на ярославского кулачка, на"хитрого мужичонку, особенно когда носит бороду".[1]

Эту особенность наружности Владимира Ильича отмечает и А.М. Горький: "Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от "вождя"."[2]

И действительно, по единодушному мнению современников Владимира Ильича, было в его облике нечто как бы идущее непосредственно от народных низов, как бы родное им по крови. Он с легкостью мог бы, переодевшись в какой-нибудь армячок, затеряться в любой крестьянской толпе, что, впрочем, он и проделывал не раз, скрываясь от царских ищеек. Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла бы затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Вообще он, на первый взгляд, не производил впечатления человека необычного, а тем более гениального.

Раз уж пришлось остановиться на описании внешности Владимира Ильича, хотелось бы в настоящей работе дать его более или менее подробный портрет. Поэтому привожу портрет Владимира Ильича, данный в выписке о розыске Ленина из списка разыскиваемых полицейским департаментом по политическим причинам. Оригинал этой выписки хранится в Центральном Государственном Историческом Архиве (ЦГИА) ЭССР. Может показаться несколько неуместным обращение за портретом

---

1 А.В.Луначарский, Владимир Ильич Ленин, стр.5.

2 А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания о В.И.Ленине, т.I, стр.238.

Владимира Ильича к полицейским бумагам. Но если учесть, какую опасность для царизма представляла его деятельность, то не может быть сомнений в том, что, объявляя розыск Владимира Ильича, полицейские ищейки постарались описать его наружность наиболее достоверно.

Вот как это выглядит в полицейском документе: "Приметы: рост 2 арш. 5 I/2 вершковъ, телосложение среднее, наружностью производитъ впечатление приятное, волосы на голове и бровяхъ русые, прямые, усахъ и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова кругла, средней величины, лоб высокий, носъ обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, ротъ умеренный, подбородокъ круглый, уши средней величины".[I]

Чего не заметили, а может и не хотели заметить полицейские ищейки, отмечают многие современники Владимира Ильича - поразительное внешнее сходство Ленина с гениальным мыслителем древности Сократом. Например, А.В.Луначарский вспоминает, что как-то они с Владимиром Ильичем попали к известному французскому скульптору Аронсону, который, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у него позволения вылепить с него, по крайней мере, хотя бы медаль.

"Он указал мне, - пишет Луначарский, - на замечательное сходство Ленина с Сократом... Главное сходство заключалось в необыкновенной форме головы. Строение черепа Владимира Ильича действительно восхитительно. Нужно несколько присмотреться к нему, чтобы оценить эту физическую мощь, контур колоссального купола лба и заметить, я бы сказал, какое-то физическое излучение света от его поверхности."2

I Русская страница, Приложение к газете „Tartu Riiklik Ülikool" 22 апреля 1970, № 5.

2 А.В.Луначарский, В.И.Ленин, стр.6

И далее А.В.Луначарский отмечает, что когда он ближе узнал Владимира Ильича, то оценил еще одну сторону его: это поразительную силу жизни в нем. Она в нем кипит и играет. "В тот день, когда я пишу эти строки, - замечает А.В.Луначарский, - Ленину, должно быть, уже 50 лет,но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу."[I]

И это действительно так. Все, кто хоть сколько-нибудь знал Владимира Ильича, одной из характерных черт его личности называют повышенную эмоциональность, заряженность, динамичность его натуры, которая проявлялась во всем, чтобы он ни делал.

В связи с этим вспоминается эпизод из воспоминаний Г.М. Кржижановского, где он описывает, как в одном из разговоров с Владимиром Ильичем, он привел ему определение здорового человека, которое дал известный в то время хирург Бильрот. По его определению здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности. Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

"Вот именно так, - говорил он, - если здоровый человек хочет есть, - так уж хочет по-настоящему; хочет спать - так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит, - так уж тоже по-настоящему..." Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека".[2]

I А.В.Луначарский, Владимир Ильич Ленин, стр.6.

2 Г.М.Кржижановский, О Владимире Ильиче, Воспоминания о В.И. Ленине, т.2, стр.I2.

И вот эта прекрасная черта - ко всему подходить с позиции здорового, бодрого человека - проявлялась у Владимира Ильича буквально во всем, что бы он ни делал, чем бы ни занимался. Например, его умение слушать собеседника располагало к нему всех, с кем ему приходилось иметь дело. Слушая, он всегда выказывал живейший интерес к предмету разговора, при этом он никогда не перебивал собеседника, а иногда только произносил свое характерное "гм-гм", имевшее такое богатство оттенков, что позволяло Владимиру Ильичу с помощью только этого восклицанья выразить целую гамму чувств. Это, располагающее к откровенности, отношение Владимира Ильича к предмету разговора всегда находило в душе собеседника живейший отклик и он, очарованный вниманием и живой заинтересованностью сидящего перед ним человека, всегда высказывал свои самые сокровенные мысли.

Интересно, что Владимир Ильич, слушая собеседника, всегда стремился постичь всю глубину разбираемой проблемы, а для этого всегда старался повернуть дело так, чтобы его собеседник высказался до конца сам. "Когда Ленин беседует с кем-либо, он старается, чтобы прежде высказался собеседник, - вспоминает японский журналист Кацудзи Фусэ. - Так было и со мной."[I]

Разобравшись в сути, Владимир Ильич умел одним-двумя вопросами, попадавшими в самое больное место, из гущи красивых схем, эффектных отчетов вышелушить реальную действительность. Вот весьма характерный эпизод, описанный в воспоминаниях Крупской.

I Кацудзи Фусэ, Стратег революции, журнал "За рубежом", I970, № I6, стр.I6.

"В начале I904 г. в Женеву приехал представитель питерской организации молодой рабочий по кличке Барон. С ним Владимир Ильич часто виделся и, как правило, разговор у них вертелся вокруг российской работы. Барон был увлечен питерской работой "У нас, - говорил он, - организация строится теперь на коллективных началах, работают отдельные коллективы: коллектив агитаторов, коллектив пропагандистов, коллектив организаторов". Владимир Ильич слушал. "Сколько человек у вас в коллективе пропагандистов?" - спросил он. Барон несколько смущенно отвечал: "Пока я один". "Маловато, - заметил Ильич. - А в коллективе агитаторов?" Покраснев до ушей, Барон отвечал: "Пока я один". Владимир Ильич неистово хохотал, смеялся и Барон".[I]

В этом небольшом эпизоде весьма наглядно проявилось ленинское умение слушать, вникать в суть дела, чтобы иметь представление об истинном положении вещей. С другой стороны, как необидно, очень естественно и человечно дал Владимир Ильич понять и прочувствовать оплошность, совершенную человеком. Можно быть вполне уверенным, что после такого урока парень в следующий раз в разговоре не будет пытаться пустить пыль в глаза.

Умение слушать людей и из всего услышанного извлечь для себя определенную пользу весьма редкое качество, которым Владимир Ильич обладал в полной мере, не раз сослужило ему хорошую службу. Это отмечают все, кто близко знал Владимира Ильича. Интересное место есть в воспоминаниях А.И.Ульяново-Елизаровой. Описывая жизнь Владимира Ильича в Самаре, она упоминает о беседах Владимира

I Н.К.Крупская, Воспоминания..., стр.88-89.

Ильича со старшим братом ее мужа Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый "крепкий" крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных земель и пересдачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бессменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов и в купцы. "Помню, - пишет Анна Ильинична, - меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины".[I]

Крупская тоже отмечает интерес Владимира Ильича к крестьянской массе. Она пишет, что находясь в ссылке, Владимир Ильич часто вел беседы с сибирскими крестьянами об их жизни, о взаимоотношениях в деревне. Его умение слушать давало ему знание и понимание этого общественного слоя. И это его знание в последствии сказалось в формулировке им аграрной части программы партии.

В этих разговорах проявлялось характерное для Владимира Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого

I А.И.Ульянова-Елизарова, Воспоминания об Ильиче, стр.32.

нужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть задавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко прислушиваться к ее звукам.

В разговоре Владимир Ильич никогда не старался поразить собеседника своей ученостью, своей колоссальной эрудицией. Всегда он умел взять в разговоре верный тон, с кем бы ни приходилось ему разговаривать. Он никогда не старался подлаживаться под речь собеседника, особенно, тогда, когда [redacted] собеседник был не очень грамотен. Никогда никому не говорил "ты", за исключением людей старше себя по возрасту, но это его "ты" имело уважительный оттенок, например: "ты - папаша" или "ты - отец". "У Ленина была своеобразная манера разговаривать. Он никогда не перебивал собеседника. Склонит голову чуть набок, слегка прищурится и слушает внимательно. Потом вдруг заговорит сам... горячо, напористо, Живые примеры, меткие сравнения. Железная логика".[I]

Речь его была проста и выразительна, не вычурная, не театральная, не было и сухости, деревянности, монотонности. Вот характеристика речи Владимира Ильича, данная Вильгельмом Герцогом - немецким публицистом и литератором: "Говорит очень остро, очень ясно, резко противопоставляя крайние точки зрения, часто с едкой иронией и очень остроумно. Затем он смеется, а с ним и его слушатели".[2]

В разговоре с людьми Владимир Ильич держался всегда скромно, бывал неизменно вежлив и сердечен, но достоинства своего не ронял.

I Н.Костин, Из новых воспоминаний о Ленине, М.,I967, стр.9.

2 В.Герцог, Русская записная книжка, журнал "Новая и новейшая история", I970, № 2, стр.III.

Говорят, что Лев Толстой, в некоторые нужные моменты, переходя на изощренные английский и французский языки, умел дать почувствовать собеседникам, которые посягали на интимную близость с ним, все то расстояние, которое отделяло его от такого рода обывателей. Общезивестно, что и Владимир Ильич, не переходя на иностранные языки, тем не менее обладал аналогичным даром, но в еще большей степени. Поэтому "в присутствии Владимира Ильича без всяких видимых усилий с его стороны создавалась всегда какая-то особая атмосфера чистоты и подъема, как-то само собой выходило, что там, где он, неуместны ни праздный разговор, ни пустое и тем более пошлое слово".[I]

Наиболее полно обаяние личности Владимира Ильича сказывалось в его ярко выраженной склонности к смеху - этому живительному источнику человеческого ощущения полноты жизни. В самые напряженные моменты жизни Владимир Ильич был неизменно ровен и так же наклонен к веселому смеху. Смеялся Владимир Ильич необыкновенно заразительно. "Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич, - вспоминает Горький. - Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться"[2]. "Так смеяться может только честный человек".[3]

I Г.М.Кржижановский, О Владимире Ильиче, стр.I2.

2 А.М.Горький, Владимир Ильич Ленин, стр.2I.

3 Там же, стр.I8.

Как никто умел Владимир Ильич ценить шутку и всегда, с присущим ему чувством юмора, стремился создать здоровое, веселое настроение у людей, которые его окружали. И люди очень охотно откликались на это его стремление, поэтому вокруг него всегда царила атмосфера веселого оживления. Редко кому удавалось видеть его удрученным. Бодрый, жизнерадостный, подтянутый он, если это было необходимо, умел подтянуть и поддержать товарищей, которых работа или фракционная трепка выматывали настолько, что они начинали сдавать. В самые трудные моменты Владимир Ильич умел вселить в них уверенность и волю к борьбе.

Г.М.Кржижановский, описывая период предварительного заключения в тюрьме по делу "Союза борьбы", вспоминает, что им все же удавалось, несмотря на крайне суровый режим тюрьмы, вступать в деятельные сношения друг с другом при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, приходивших на свидание. "Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо - это было развнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало - немедленно подбодриться и подтянуться духовно. В этом человеке было такое громадное духовное богатство, такое умение по-хорошему и с нужной стороны воздействовать на настроение нуждающегося в этом человека, что уже одни эти качества при всяких условиях, а в тюрьме в особенности, делали его совершенно незаменимым товарищем".[I]

И все это вместе взятое: и его умение слушать и говорить с людьми, и это стремление замечать смешное в жизни, и его необыкновенный, задушевный смех - все притягивало к нему людей и как-то

I Г.М.Кржижановский, О Владимире Ильиче, Воспоминания..., т.2, стр.20.

само собой получалось, что он всегда оказывался в центре всеобщего внимания. Эту особенность Владимира Ильича очень тонко подметил и охарактеризовал А.В.Луначарский. "Этот ключ сверкающий жизненности, составляет рядом с прочной шириной ума и напряженной волей очарование Ленина. Очарование это на людей, попавших близко в его орбиту, колоссально. Это относится к людям самых разных калибров и духовных настроений - от такого тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губернии, от первоклассных политических умов до какого-нибудь солдата и матроса, вчера еще бывших черносотенцами, - готовых во всякое время сложить свои буйные головы за "вождя мировой революции - Ленина".[I]

Луначарский не одинок, высказываясь подобным образом. Очарованию Ленина поддавались не только те, кто видел в нем единомышленника, но и те, чей образ мыслей и убеждения не позволяют даже заподозрить их в этом. И все-таки, несмотря на свои совершенно противоположные политические убеждения, люди, которым случалось в какой-то мере общаться с Владимиром Ильичем, не могли не испытать на себе силу его неуловимого очарования. Что уже и говорить о тех, кто видел во Владимире Ильиче наставника, руководителя, товарища, друга. Для примера приведу несколько высказываний людей, хорошо знавших Ленина.

"Ленин - удивительный человек, откровенный и при этом сердечный, с большим чувством юмора и светлым умом,"[2] - пишет американский дипломат У.Буллит, который от имени правительства США вел переговоры с Советским правительством и лично с В.И.Лениным по вопросу заключения предварительного мира.

I А.В.Луначарский, Из встреч с Владимиром Ильчем в эмиграции, Воспоминания о В.И.Ленине, т.2, стр.I40-I4I.

2 И.М.Краснов, Миссия У.Буллита в Советскую Россию и беседа Л.Стефенса с В.И.Лениным, "Новая и новейшая история, I970, № 2, стр.I50.

А вот у М.Горького: "Он нередко принимал странную и немножко комическую позу - закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви".[I]

"Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным "Стариком", как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он - и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...",[2] - вторит им в своих воспоминаниях Г.М.Кржижановский. И таких примеров можно привести великое множество.

Все, кому довелось видеть и работать с Владимиром Ильичем, знают его как необыкновенно скромного человека. И эта его скромность проявлялась во всем, что касалось его личной жизни. Одевался просто. На свою одежду обращал мало внимания. Крупская вспоминает, что "цвет его галстука был ему безразличен, да и к галстуку он относился как к неудобной необходимости".[3] В домашней обстановке предпочитал простую, не стесняющую движений одежду.

I А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.257

2 Г.М.Кржижановский, О Владимире Ильиче, Воспоминания..., т.2, стр.I6.

3 Н.К.Крупская, Воспоминания..., стр.483.

Например, в Горках его часто видели в простой сатиновой косоворотке и сандалях на босу ногу.

Агент "Искры" Ц.С.Зеликсон-Бобровская, вспоминая о своей первой встрече с Лениным в домашней обстановке, отмечает его особый "российский" вид. "Владимир Ильич одет был в темно-синюю косоворотку навыпуск, которая придавала всей его коренастой фигуре какой-то особо "российский" вид. Да и вся обстановка здесь как-то не увязывалась с чинным укладом жизни в Швейцарии. Недаром острый на язык Макар, придя сюда в первый раз, воскликнул: "Здесь русский дух,здесь Русью пахнет!""[I]

Надо отметить, что эта обстановка и весь уклад жизни сопутствовали Владимиру Ильичу во всех его скитаниях. Находясь в эмиграции, Владимир Ильич и Надежда Константиновна всегда стремились поселиться в скромных квартирках, где-нибудь в рабочих кварталах. Обстановка у них была всегда очень простая и непритязательная: стол, несколько стульев, простые кровати, белые занавески на окнах. Пришедшим бросалось в глаза разве что обилие книг.

После Октябрьской революции, когда Владимир Ильич с семьей поселился в Кремле, он жил в самой обыкновенной квартире из небольших комнат с простой мебелью. Единственным удобством этой квартиры было, пожалуй, то, что она находилась рядом с залом заседаний Совета Народных Комиссаров. Владимир Ильич очень возмутился, когда узнал, что к его квартире приставили уборщицу за казенный счет, и потребовал, чтобы на содержание уборщицы делались вычеты из его зарплаты.

I Ц.С.Зеликсон-Бобровская, Страницы из революционного прошлого, Воспоминания..., т.2, стр.103.

В.Д.Бонч-Бруевич, бывший в то время управляющим делами Совнаркома, вспоминает, что, когда оборудовали кабинет Ленина в Кремле, комендант притащил туда огромный пушистый ковер и широкое мягкое кресло. Владимир Ильич, увидев это, приказал убрать и кресло и ковер.[1] Себе он велел поставить простое деревянное кресло с плетеным сиденьем.

В воспоминаниях В.А.Карпинского есть такой факт. Однажды сотрудникам Совета Народных Комиссаров выдали по I пуду картошки. Первым в списке находился Владимир Ильич, и против его фамилии стояло: 2 пуда; затем Крупская - I пуд и т.д. Владимир Ильич против своей фамилии вычеркнул "2 пуда" и поставил "I пуд". Крупскую совсем вычеркнул, заметив: "В Совнаркоме не работает".[2]

В трудные годы становления советской власти, в годы разрухи, голода и нищеты товарищи не забывали Владимира Ильича и часто присылали ему всевозможные подарки и посылки с продовольствием. Владимир Ильич, как правило, благодарил и велел все это отправлять в детские дома. Не мог Владимир Ильич сыто жить, когда вокруг голодали сотни людей.

Вот выдержка из воспоминаний американского дипломата Буллита: "Когда я пришел в Кремль к Ленину, мне пришлось подождать несколько минут, пока из его кабинета вышла делегация крестьян. У себя в деревне они слышали, что товарищ Ленин голодает. И они за сотни километров привезли Ленину 800 пудов хлеба. А перед этим у Ленина была еще одна делегация крестьян, которые,

---

I В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.233.

2 В.А.Карпинский, В.И.Ленин - вождь..., стр.82.

узнав о том, что будто товарищ Ленин работает в нетопленном помещении, доставили ему на квартиру печь и запас дров на три месяца. Ленин - единственный вождь, который получает подобные подарки. И он отдает их в общий котел".[1]

Владимир Ильич ужасно раздражался, когда ему хотели создать богатую обстановку, платить большую заработную плату и прочее.

23 мая 1918 г. Владимир Ильич пишет В.Д.Бонч-Бруевичу записку:

" Управляющему делами Совета Народных Комиссаров
Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу

Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалованья с I марта 1918 г. с 500 до 800 рублей в месяц и ввиду явной беззаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым, в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 года, объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В.Ульянов (Ленин)"[2]

Этот документ говорит сам за себя. Видна не только личная скромность, но и требование с уважением относиться к законам Советской власти, по которым никто не имеет права на исключительные привилегии в чем бы то ни было.

I И.М.Краснов, Миссия У.Буллата в Советскую Россию..., стр.150.

2 Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.402

И еще одна очень важная особенность в характере Владимира Ильича. Всегда и везде, даже в дни отчаянного напряжения, тревоги и всеобщего возбуждения, Владимира Ильича никогда не оставляли выдержка, самообладание, трезвость и обдуманность суждений и деловитость. Он по-прежнему оставался энергичным и бодрым и все также склонен к веселому смеху. Непередаваемым оптимизмом веяло от всей его небольшой ладной фигуры. И эта выдержка, самообладание, небывалый оптимизм очень благотворно сказывались на окружающих, заставляя их внутренне подтягиваться, равняясь на своего вождя. Например, в 1906 г. на IУ Стокгольмском съезде, который проходил в острейшей борьбе между большевиками и меньшевиками, Ленин и его соратники оказались побежденными. Имея на съезде численный перевес, меньшевики заранее сговаривались и предрешали постановления съезда. Поэтому по важнейшим вопросам съезд принял меньшевистские резолюции. "Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного, - читаем у Сталина. - Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе... Я помню, как мы, делегаты - большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: "Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы".[I]

Следует добавить, что в характере Владимира Ильича наблюдалось всякое отсутствие мелочности, тщеславия, в нем не было

[I] И.В.Сталин, О Ленине, Воспоминания..., т.2, стр.I32-I33.

ничего хоть сколько-нибудь похожего на обывательщину, мещанство, те условности и предрассудки, которые достались нам в наследство от буржуазии и которые до сих пор встречаются у нас в социалистическом обществе.

Будучи в ссылке, Владимир Ильич старался держаться подальше от всяких дрязг и склок, которые были нередки среди ссыльных. Он питал глубокое отвращение ко всяким ссыльным историям, особенно после того, как в результате одной из них ссыльный Е.Е. Федосеев, которого Владимир Ильич знал как очень хорошего товарища, покончил жизнь самоубийством.

Находясь в самой гуще эмигрантской сутолоки, Владимир Ильич и здесь проявлял полнейшее равнодушие ко всевозможным пересудам, сплетням, перебалтываниям за стаканом чая всяких мелких историй эмигрантской жизни. И в советское время ему был чужд дух какого бы то ни было чванства и выпячивания собственной личности. Всегда он оставался исключительно скромным, простым и непритязательным в отношении самого себя человеком.

Все сказанное, выше, разумеется, не может дать полного представления о личности Ленина, это, повидимому, невозможно передать словами, но несомненно, что его личные качества необыкновенно простого и сердечного человека в сочетании с его гениальным умом и непреклонной волей, завоевали ему сердца миллионов трудящихся еще при жизни.

В заключение хочется привести слова Вильгельма Герцога об этом необыкновенном человеке: "Он прост по самой своей сути, что свойственно лишь очень великим или совсем простым людям. Никакой искусственности, ни малейшего жеста, характерного для

"государственных деятелей", никакого фейерверка мыслей, а сразу проявляется и привлекает в нем сама собою разумеющаяся, открытая всем вопросам жизни человечность, ничем не подчеркнутая естественность. Он не чудо и считает себя не богом, а одним из тех, кому накопленный десятилетиями основательной работы запас знаний - наряду с его умом и стратегическими талантами - позволил скорее, чем кому бы то ни было иному, стать накануне грандиозной решающей битвы самым решительным и одновременно самым отважным вождем ордена большевиков".[I]

[I] В.Герцог, Русская записная книжка, стр.II2.

ГЛАВА П
ЛЕНИН - ТРУЖЕНИК, БОЕЦ, ТРИБУН

Какие же качества позволили Владимиру Ильичу стать "самым решительным и самым отважным вождем ордена большевиков?". Несомненно, что в эпоху революции это под силу только человеку с выдающимися личными качествами, умеющему правильно определить цель и неуклонно добиваться ее претворения в жизнь. А это возможно лишь при наличии сильной воли.

Все, кто хорошо знал Владимира Ильича, отмечают его непреклонную волю, да и вся его деятельность служит подтверждением этого. "Доминирующей чертой его характера - тем, что составляло половину его облика, была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче и никогда не выходить за круг начертанный сильным умом,"[I] - читаем у Луначарского.

Надо сказать, что этим своим качеством Владимир Ильич обязан прежде всего тому воспитанию, которое получил в семье, будучи ребенком. Его отец, Илья Николаевич Ульянов, был страстным поклонником Добролюбова и его системы воспитания. Поэтому Илья Николаевич своих детей стремился воспитывать в духе учения Добролюбова, который наличие крепкой воли считал одним из главных качеств человека. Отец Владимира Ильича был прекрасным педагогом и, естественно, развитию этого качества у своих детей уделял очень много внимания.

[I] А.В.Луначарский, Владимир Ильич Ленин, стр.5.

А.И.Ульянова-Елизарова, вспоминая о детских годах Владимира Ильича, пишет, что уже в то время Владимир Ильич был очень живым и подвижным мальчиком, но он умел взять себя в руки, когда это было необходимо. Одно время, например, Владимир Ильич увлекся коньками, но увидел, что это мешает учебе, и бросил. Он страшно любил читать книги, они захватывали его, увлекали, говорили о жизни, о людях, расширяли горизонт, а учеба в гимназии была скучная, мертвая, приходилось брать себя в руки, чтобы заучивать всякий ненужный хлам, но у него был заведен такой порядок: сначала уроки выучит, а уж потом возьмется за чтение. Держал себя в руках, Сильную волю он в себе выработал. Что скажет, - сделает. На его слово можно было положиться. Как-то, в юности он попробовал курить. Его мать, Мария Александровна, очень окорчилась этим и стала просить, чтобы он бросил курить. Владимир Ильич дал ей слово и сдержал. С той поры он так и не курил и сохранил на всю жизнь неприязнь к табаку.

Юношей, познакомившись с произведениями Маркса, он понял какую силу таит в себе его учение. Не случайно он несколько лет упорно и кропотливо разбирался во всем, что было написано Марксом и, усвоив его огромное наследие, он сам сделал очень много для того, чтобы развить и обогатить это наследие не только в теории, а и в практике. Это позволило ему стать у истоков нашей партии, выпестовать и воспитать ее и повести на штурм существующего государственного строя в лице самодержавия и буржуазии, сменившей его. Разве под силу это человеку с заурядной волей? Конечно нет.

Наряду со стальной волей, отличает Владимира Ильича и родная сестра сильной воли - неиссякаемая трудоспособность. И этим своим качеством он обязан своим родителям, тому воспитанию, которое получил в семье. Его умению работать можно позавидовать.

Брата Владимира Ильича, Д.И.Ульянова, всегда восхищала эта особенность Ленина, о чем он упоминает в своих воспоминаниях.[1]

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство его товарищей гимназистов. Как только объявлялась тема и назначался для написания срок, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно задуманному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них он в последующие дни вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу - смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.[2]

---

1 Д.И.Ульянов, О Ленине, Воспоминания родных о Ленине, стр.84

2 Д.И.Ульянов, О Ленине, Воспоминания родных..., стр.83-84

Преподаватель словесности Владимира Ильича восхищался его сочинениями и всегда ставил ему отличную оценку. Не раз он говорил родителям Владимира Ильича, что ему особенно нравится в его сочинениях продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

В приведенном выше отрывке можно заметить, что к любому делу Владимир Ильич всегда подходил очень серьезно и обстоятельно. Он никогда не делал чего-нибудь наспех и кое-как. Во всем у него чувствовалась своя система, свой метод. Книги он читал только с карандашом, делая на полях пометки, замечания, а иногда даже составлял краткие конспекты. Со временем это перешло уже в потребность, и над всеми серьезными книгами он работал только таким образом. По его же собственному признанию, читать просто так не имеет смысла, по существу, это только простая трата времени. Естественно, работая таким образом, нельзя не разобраться в исследуемом материале глубоко и всесторонне. Именно это и отличает все работы Владимира Ильича - глубина и всесторонний охват.

Кроме всего прочего, для Владимира Ильича характерно умение приспособиться работать в любой обстановке. Когда он впервые попал в тюрьму, первое, что он постарался сделать, - это добиться разрешения на передачу книг. Как только это было налажено, он немедленно принимается за работу. Его деятельная, кипучая натура не может ни единого дня обходиться без плодотворной, вдумчивой работы.

Крупская вспоминает, что он очень много работал в тюрьме. Там было подготовлено "Развитие капитализма в России". Владимир

Ильич заказывал в легальных письмах нужные материалы, статистические сборники. "Жаль, рано выпустили, надо было еще немножко доработать книжку, в Сибири книги доставать трудно", - в шутку говорил Владимир Ильич, когда его выпустили из тюрьмы.[1] Не только "Развитие капитализма" написал Владимир Ильич в тюрьме; он писал листки, нелегальные брошюры, написал проект программы для первого съезда. Кроме того, Владимир Ильич занимался в тюрьме изучением иностранных языков. Без ежедневной упорной работы Владимир Ильич не мыслил жизни.

Вот отрывок из одного письма Владимира Ильича сестре Марии Ильиничне, когда она находилась в тюрьме: "Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы - с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику - чрезвычайно много помогает. После обеда, вечерком для отдыха я, помню, регулярно брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме. А главное - не забывай ежедневной обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по нескольку десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно".[2]

По приведенному отрывку можно судить, что тот, кто писал эти строки, уж наверное испробовал даваемый рецепт на себе. Во всяком случае, примерный распорядок дня и круг вопросов, интересующих автора этого письма, вполне можно выявить из приведенного отрывка.

---

[1] Н.К.Крупская, Воспоминания о Ленине, стр.24.

[2] В.И.Ленин, Письма к родным 1893-1922, т.37, стр.252.

Но, если Владимир Ильич интенсивно и плодотворно работал в более или менее спокойные периоды своей жизни (звучит несколько парадоксально, но я имею в виду ссылку, тюрьму и т.д.), то его поистине неиссякаемая работоспособность буквально поражала окружающих в то время, когда руководимая им партия стала у власти и ему самому пришлось взвалить на себя, на свои плечи гигантское бремя забот о родившейся в огне революции республике Советов.

Его рабочий день начинался рано утром. Войдя к себе в кабинет, он тотчас начинал рассматривать приготовленную ему почту и прежде всего телеграммы с внутренних и внешних фронтов и тотчас же размечал все новые данные на географических картах, которыми были завешаны все стены. Мельком взглянув на стол, где уже были приготовлены почта и отдельно телеграммы с фронтов, он мигом брал именно эту пачку и быстро прочитывал их, причем, не просто прочитывал, а и запоминал. Память у него была поразительная.[I]

В этой части работы хотелось бы остановиться подробнее на таком качестве Ленина, как деловитость, являвшаяся для его современников образцом для подражания.

Возглавив Совнарком, Ленин установил строжайший распорядок в его работе и добивался максимальной экономии времени и максимальных результатов. Он сам подавал пример точности и дисциплины. "Владимир Ильич никогда не заставлял себя ждать. Исключение осталось в памяти многих, кто вспоминает те годы: был случай когда все собрались, а Ленина нет и нет... В этот вечер его привезли домой раненым".[2]

I В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.235.

2 А.Ф.Логинов, Вечный пример, М., I963, стр.46.

Обычно Владимир Ильич минута в минуту выходил из своего кабинета в зал заседаний Совнаркома. Заседания открывались без проволочек, при любом количестве присутствующих. Если кто-нибудь задерживался, Владимир Ильич укоризненно покачивал головой, а то и делал провинившемуся замечание вслух, да еще поручал отметить в протоколе, кто и на сколько опоздал. Будучи точным, Владимир Ильич не терпел опозданий. Однажды делегаты комсомольского съезда явились на прием к Ленину с опозданием на срок минут. Секретарь доложила Ленину и, вернувшись из кабинета, выразительно произнесла: "Молодые люди! Владимир Ильич очень любит молодежь и рад с нею разговаривать. Но он является Председателем Совета Народных Комиссаров, и время у него в достаточной мере занято. Товарищ Ленин всегда повторяет, что опоздание на одну минуту к назначенному сроку уже является преступлением..."[I] Далее секретарь назначила новые часы приема.

Ленин не терпел расхлебанности, траты времени впустую. На заседаниях Совнаркома Ленин требовал, чтобы докладчики и выступающие в прениях говорили точно, сжато, ясно излагали самую суть. Время ораторов строго регламентировалось. Докладчикам обычно давалось 3-5 минут. Владимир Ильич обычно следил за ораторами по хронометру. Разговоров во время заседаний он не терпел. Как только кто-нибудь начинал говорить, он сразу же грозил пальцем, говорил: "Тс, тс", - и показывал: "Пишите". Во время заседаний поэтому происходил большой обмен записками. Руководя заседанием, Владимир Ильич одновременно делал необходимые записи для своего заключения и обменивался записками с присутствующими. Курить на

[I] А.Ф.Логинов, Вечный пример, стр.58.

заседании было запрещено, а уходить - тем более.[1]

Ленин очень внимательно относился к приему посетителей и требовал такого же отношения от каждого работника. Если он назначал кому-либо прием, а утром узнавал, что в назначенный час принять посетителя не сможет, тогда он лично звонил этому товарищу и договаривался о времени, когда он сможет его принять. Если же было видно, что подходил час приема какого-нибудь товарища, а срочные дела не дают возможности Владимиру Ильичу принять посетителя, то он посылал своего секретаря в приемную сказать пришедшему: "Не ждите, не сидите напрасно, не теряйте времени, принять вас Владимир Ильич не сможет". А затем секретарь должен был сговориться, когда товарищ сможет придти на прием, и записать его телефон, чтобы Владимир Ильич мог с ним созвониться.[2]

Эту особенность Владимира Ильича ценить свое и чужое время, а также его деловитость, сразу отметил побывавший у него на приеме американский полковник Раймонд Робинс, который в то время находился в Советской России в составе миссии Красного Креста: "Он поглощен чтением докладов и отчетов, лежащих у него на столе, он уделяет посетителям строго определенное время - десять минут, пять, одну..."[3]

Владимир Ильич отлично знал, что в советском аппарате было еще немало негодных людей и особенно преследовал "бациллы волокиты и бюрократизма". Негодование и душевная боль слышатся в его

---

[1] Е.Д.Стасова, Учитель и друг, Воспоминания..., т.2, стр.217-218

[2] Е.Д.Стасова, Учитель и друг, стр.217

[3] В.Л.Мальков, Раймонд Робинс открывает новый мир, "Новая и новейшая история", 1970, № 2, стр.136.

сердитых пометках и записках своим заместителям и наркомам: "Посылаю Вам образец нашей поганой волокиты и тупоумия"."Дело вдрызг изгажено тупым бюрократизмом". "Не сажать таких мерзавцев под арест значит поощрять бюрократизм, который нас душит". "Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-либо".[I]

Владимир Ильич не оставлял без последствий ни одной жалобы, с которой трудящиеся обращались в правительство. Он учил за каждым письмом видеть живого человека, он говорил работникам своего аппарата: "К вам поступила жалоба, просьба. Так вообразите себя на месте жалобщика, постарайтесь душой, сердцем понять его положение. Сочтите, что это вам не отвечают на заявление, что это вас не допускают к начальнику, к которому вы стремитесь попасть. Или вот человек просит квартиру. Поднатужьтесь, напрягите всю свою фантазию и картинно представьте себе, что это у вас нет квартиры, что это вы скитаетесь с семьей по углам. И тогда вы наверняка найдете возможность помочь просителю. Это не филантропия. Это коммунистический подход к человеку".[2]

Н.П.Горбунов, работавший в 1917-1918 гг. секретарем Совнаркома, а с 1920 г. управляющим делами Совнаркома, пишет, что по предложению Владимира Ильича был издан даже специальный декрет[3] о том, как нужно жаловаться и составлять акты на беззаконные действия властей.[4]

I А.Ф.Логинов, Вечный пример, стр.56

2 А.Ф.Логинов, Вечный пример, стр.57.

3 Декрет Совнаркома "Об устранении волокиты" от 30 декабря 1919 года.

4 Н.П.Горбунов, Как работал Ленин, М., 1959, стр.12.

Не мешало бы и теперь почаще вспоминать об этом декрете и вывесить его во всех учреждениях на самом видном месте.

Владимир Ильич не признавал мелочей, считая все дела одинаково важными и приучая к этому своих сотрудников, поэтому его рабочий день всегда был уплотнен до отказа, что не могло не вызывать сильного утомления.

"Многие ли видели его, вождя мировой революции, поздно вечером, после напряженнейшего рабочего дня, когда он выходил с вечернего заседания Совнаркома, утомленный, с запавшими глазами. Приходил опять к себе в кабинет, чтобы просмотреть вечерние донесения. Безмерная усталость струилась из его глаз, и так хотелось сказать всем: оставьте его, пускай отдохнет.

На своих могучих плечах нес он гигантский груз истории нашего времени и ни разу не дрогнул под этой непомерной тяжестью".[I]

Безусловно, такая адская нагрузка сказывалась на организме, но Владимир Ильич никогда, ни при каких условиях не позволял себе распускаться и по-прежнему работал с присущим ему размахом и сосредоточенностью. Дело доходило до того, что он по ночам начинал страдать бессонницей, но никакие уговоры не могли заставить его прекратить работу. Е.Д.Стасова пишет, что "тогда приходилось по телефону звонить членам ЦК и выносить постановление об отпуске Владимиру Ильичу, а когда постановление принято - сообщать ему по телефону"

- Владимир Ильич, имеется постановление ЦК, чтобы предоставить вам отпуск на столько-то дней. И в ответ сердитый голос

[I] В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.235-236.

по телефону: - Когда прикажете приступить к отпуску?"[I] Лишь только после этого уходил Владимир Ильич в отпуск, выполняя постановление ЦК, все решения и требования которого он выполнял неукоснительно.

Это нечеловеческое напряжение не могло не сказаться на здоровье Владимира Ильича, кроме этого сказались еще последствия покушения эсерки Каплан. Но все-таки, одной из главных причин преждевременной смерти Владимира Ильича было чрезмерное напряжение. Как показало вскрытие тела Владимира Ильича, у него был давний артериосклероз сосудов мозга. Посмертный диагноз гласил: - склероз от чрезмерного напряжения. Характерно, что значительного склероза не было найдено ни в сосудах сердца, ни в сосудах других органов. Склероз от перенапряжения поразил именно мозг, орган мыслей и дум Владимира Ильича.

"Склероз сосудов мозга Владимира Ильича был настолько силен, что сосуды эти обызвествились: при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню. Стенки многих сосудов настолько утолщились и сосуды настолько заросли, что не пропускали в просвете даже волоска. Так целые участки мозга были лишены доступа свежей крови, оставались без питания".

Все врачи, присутствовавшие при вскрытии, удивлялись невиданному зрелищу: "как мог Владимир Ильич при таком глубоком поражении таких значительных частей мозга мыслить, диктовать замечательные по глубине мысли статьи, интересоваться политикой. Даже

I Е.Д.Стасова, Учитель и друг, Воспоминания..., т.2, стр.215.

отдельные сохранившиеся от болезни участки мозга продуцировали гениальные мысли Владимира Ильича".[I]

Наряду с трудоспособностью огромного размера В.И.Ленину была присуща способность неизменно, в течение всей жизни сосредоточивать внимание только на одном деле - на деле революционной борьбы пролетариата. Взять хотя бы его литературную деятельность, все его бесчисленные статьи, брошюры и книги. Все они, без исключения, являются откликами только на один вопрос - на вопрос о наилучших, наиболее прямых путях пролетарской революции. Даже когда он пишет целую книгу по философии "Материализм и эмпириокритизм", сразу видно, что работа эта вызвана задачами революционной борьбы данного момента и преследует одну цель - устранить всякие помехи с прямого пути пролетарской победы.

Эти свойства ума и характера - исключительная трудоспособность и умение в течение всей жизни сосредоточивать целиком свое внимание на одной великой задаче - являются в наше время необходимыми предпосылками для того, чтобы человек выдвинулся в своей отрасли на одно из первых мест.

Самая лучшая политика - принципиальная политика. Этой заповеди Владимир Ильич оставался верен всю жизнь. Даже в самых малых мелочах Владимир Ильич оставался принципиальным, не говоря уже о крупных кардинальных вопросах в теории и практике революционной борьбы. Вот что, например, пишет И.В.Сталин об этой черте Владимира Ильича:

"Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство - это сила, с которой не может не

[I] А.А.Семашко, Незабываемый образ, Воспоминания, т.2, стр.281.

считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то, как он часто говорил об этом, что: "принципиальная политика есть единственно правильная политика".[I]

Вот два характерных примера.

В период 1909-1911 гг. партия, разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчати и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Известно, что тогда возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную партию. Ленин был тогда единственным, который не поддался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая партийность с небывалым мужеством и невиданной настойчивостью. Его усилия принесли свои плоды. Время показало, что в этом принципиальном споре за партийность Ленин оказался прав.

[I] И.В.Сталин, О Ленине, Воспоминания..., т.2, стр.133-134.

Второй пример. После захвата власти в октябре 1917 г. партия и правительство молодой Советской республики, провозгласив политику мира и дружбы между народами, развернули энергичную борьбу за прекращение войны и заключение всеобщего демократического мира. Советское правительство неоднократно обращалось к правительствам стран Антанты с предложением совместно приступить к переговорам с Германией и ее союзниками о перемирии и заключениии мира, однако оно было отвергнуто.

Так как Франция, Англия и США не пожелали вести какие бы то ни было переговоры о мире, Советское правительство, стремясь вывести страну из войны, решило приступить к переговорам со странами австро-германского блока. Естественно, в этих условиях Германия, учитывая сложившуюся международную обстановку и обстановку внутри Советской России, в ответ на предложение Советского правительства заключить мир на справедливой, демократической основе, т.е. без аннексий и контрибуций, настаивала на унизительных грабительских условиях мирного договора.

Перед партией и Советским правительством со всей остротой встал вопрос: подписывать этот тяжелый, унизительный мир или вести войну. Для В.И.Ленина, который всегда бесстрашно смотрел правде в глаза, ответ на этот вопрос был ясен. Он считал, что война молодой, не имеющей еще своей армии Советской республики против вооруженного до зубов германского империализма приведет Советскую власть к гибели. Речь идет о жизни и смерти Советского Государства, подчеркивал Ленин. Но в то время большинство членов партии, и даже членов ЦК, стояли против подписания тяжелого и

унизительного мира с Германией. Ленин, учитывая ответственность момента и рискуя остаться в одиночестве, убеждая, доказывал, твердо стоял за подписание мира. И он сумел убедить большинство в партии и правительстве в своей правоте и добиться подписания грабительских условий мира с Германией. Жизнь полностью подтвердила гениальную прозорливость Ленина. Мирная передышка была использована для консолидации всех революционных сил.

Основой ленинской принципиальности являлась глубокая убежденность в правоте марксистской теории, и в то же время эта его убежденность не позволяла ему оставаться в плену теории, она заставляла его творчески подходить к революции, чутко прислушиваться к революционной массе и, имея в виду конечные цели движения, с гениальной прозорливостью направлять революционный энтузиазм масс в нужное русло. Эта ленинская убежденность сказывалась во всех проявлениях его необыкновенной личности, но особенно ярко она выступала во время публичных выступлений В.И.Ленина.

В задачу данной работы не входит сколько-нибудь детальное разбирательство ораторского мастерства Владимира Ильича, но, для характеристики его как личности, этот вопрос нельзя обойти молчанием. Поэтому я позволю себе несколько остановиться на этом изумительном ленинском качестве.

Выше уже упоминалось, что даже обычная разговорная речь Ленина производила большое впечатление, и это впечатление многократно усиливалось, когда ему приходилось выступать перед аудиторией, будь то рабочее собрание или конгресс Коминтерна. Сила ленинского слова, насквозь проникнутая убежденностью в правоте высказываемых идей, настолько неотразимо действовала на слушателей,

что под ее влияние подпадали даже те, кто в своей политической деятельности выступал противником этих идей. Убежденность его была настолько сильна, настолько наэлектризовывала слушателей, полностью захватывая их внимание, что даже человек, совершенно не знающий языка, на котором говорит оратор, невольно заражался общим настроением слушателей органической связи оратора с аудиторией.

Очень интересно описал японский коммунист Сен Катаяма, приехавший из Мексики в Советскую Россию в декабре I92I года, доклад Ленина в Большом театре на Всероссийском съезде Советов. Сен Катаяма совсем не знал русского языка, он не понял ни одного слова в докладе ; но глазами он воспринимал вместо ушей и то, как Ленин говорил, и то, как его слушали. Это было для него и ново и непривычно до такой степени, что Сен Катаяма, за три часа в продолжение доклада не понявший произносимых слов, тем не менее не утомился и не соскучился.

Вот его описание: "Товарищ Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово. Товарищ Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-либо жестам, но обладал чрезвычайным обаянием ; когда он начал говорить, наступила гробовая тишина, все глаза были устремлены на него. Товарищ Ленин окидывал взглядом аудиторию, как-будто гипнотизировал ее. Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который бы двигался или кашлял в продолжение этих долгих трех часов.

Он увлек всю аудиторию. Слушателям время казалось очень кратким. Товарищ Ленин - величайший оратор, которого я когда-либо слышал в моей жизни".[1]

Что же поразило Сен Катаяму в ораторском искусстве Ленина? По его собственным словам, русского языка он не знал и, значит, ни слова из доклада не понял. Откуда же у него взялась уверенность в том, что Ленин неуклонно развивал свою мысль, излагая аргумент за аргументом? Не имея возможности понять смысл слов, Сен Катаяма не мог не услышать и, больше того, не почувствовать глубочайшей силы убежденности, которой была проникнута речь Ленина. Эта убежденность ни на секунду не ослабевала, - отсюда впечатление неуклонного развития мысли.[2]

Однажды Ленина спросили, почему его выступления перед массами пользуются таким огромным успехом. Владимир Ильич ответил: "Секрет очень прост. Когда я выступаю в качестве оратора, я все время думаю о рабочих и крестьянах, как о моих слушателях".[3] И действительно, на рабочих и крестьянских собраниях Ленин говорил, по признанию современников, с какой-то особенной простотой, ясностью, убедительностью, пользуясь словами и выражениями из обыденной народной речи. "Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая точный его смысл,"[4] - замечает Горький.

А вот воспоминания лидера шотландских коммунистов Уильяма Галлахера: "Я два раза был у Ленина дома и имел с ним частную

---

1 Ленин и международное рабочее движение, М., 1934, стр.139-140.

2 М.С.Шагинян, Четыре урока у Ленина, стр.16.

3 В.А.Карпинский, Владимир Ильич Ленин - вождь, товарищ, человек, М., 1968, стр.55.

4 А.М.Горький, В.И.Ленин, стр.11.

беседу. Меня больше всего поразило в нем то, что пока я был с ним, я не имел ни одной мысли о Ленине, я мог думать только о том, о чем он думал, а он все время думал о мировой революции".[1] Такова сила убежденности Ленина, что у собеседника даже не возникает мысли отвлечься от темы разговора хоть на секунду на что-нибудь, не относящееся к этой теме. Видеть лицом к лицу Ленина, слышать его голос и, несмотря на это, все время не думать о нем самом, а только о предмете его мыслей, о том, что Ленин думает, чем он сейчас живет, то есть воспринимать лишь содержание его речи - такова одна из наиболее примечательных сторон Ленина - оратора. Таким великим оратором был Ленин.

На трибуне он весь преображался. "Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделанный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной стальной фразе... Непередаваема сила его речей. В них нет как-будто внешнего блеска, они просты и ясны, но, слушая Ленина, забываешь обо всем. Он овладевает слушателем всецело. Его слушают, затаив дыхание, слушают так,точно он раскрывает твои самые сокровенные мысли, заветные мечты. Другие ораторы восхищают, но слушаешь их точно со стороны, - Ленин зовет к действию. Его речи зажигают энтузиазмом и желанием действовать. Речи Ленина забыть нельзя: все чувствуют, что он сказал самое важное и нужное".[2] А.М.Горький заметил: "Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды".[3]

Присущие Ленину качества, о которых говорилось выше, далеко не полно представляют его как личность. Не менее сильно обаяние Ленина-человека сказывалось и в его отношениях с родными, в заботе о детях, во взаимоотношениях с людьми. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

---

1 Ленин и международное рабочее движение, стр.145

2 М.М.Эссен, Встречи с Лениным, Воспоминания..., т.2, стр.114

3 А.М.Горький,В.И.Ленин, Воспоминания...,т.2,стр.256.

ГЛАВА Ш

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

а) Отношения Ленина с родными ; забота о детях

Человек большого сердца Владимир Ильич был очень привязан к своим родным, особенно к матери. Всегда сдержанный, владевший собой, он никогда не проявлял, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Однако, воспоминания родных и людей, близко знавших Владимира Ильича, позволяют судить о глубине его привязанностей. В этом, до некоторой степени, помогают и его письма к родным. Большая часть его писем адресована матери, которая всегда была для Владимира Ильича предметом забот и внимания, что очень явственно прослеживается в письмах.

Мария Александровна, мать одной из самых революционных семей в России, всю свою жизнь отдала детям, которых у нее было шесть человек. В детстве она учила их быть добрыми и сердечными друг с другом, старших учила заботиться о младших, следила за тем, чтобы в семье всегда царил дух товарищества и взаимовыручки. Смерть мужа и казнь старшего сына Александра, ставшего народовольцем и принимавшего участие в покушении на царя Александра Ш, согнули ее, но не сломили. Она продолжала оставаться в глазах детей всегда ровной и приветливой, нежной и заботливой.

Повзрослев, ее дети окунулись в революционную деятельность и она стала помогать им во всем, не пыталась их отговаривать, хоть и знала, что их ожидает трудная жизнь. Аресты и ссылки,

которым подвергались ее дети, очень волновали ее и она всегда стремилась узнать что-нибудь о тех из детей, с кем находилась в разлуке.

В.Д.Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях очень тепло отзывается о матери Владимира Ильича, которая всегда была очень приветливой с теми, кто приходил к ее детям. Приходивших она всегда старалась напоить чаем и расспросить о ком-нибудь из детей. "И наслушавшись и наговорившись, она, маленькая, худенькая, вся светившаяся глубокой добротой и печалью, тихо подходила к роялю, открывала его и, как бы уносясь далеко-далеко в своих думах, начинала играть, хорошо играть, печальные тихие мелодии, так гармонирующие со всем ее настроением".[1]

Владимира Ильича всегда поражали мужество и стойкость матери и он всегда старался помочь и поддержать ее. Его письма к матери полны вопросами о ее здоровьи, о том,"как устроились с квартирой, не холодна ли она". "Беспокоит меня, - пишет он матери в 1909 году, - что у вас холодная квартира... Не простудиться бы тебе... Нельзя ли принять каких-нибудь мер, может быть, поставить маленькую железную печку?"... В его письмах всегда много советов "хорошенько отдохнуть летом", " меньше бегать, больше отдыхать и быть здоровой".[2]

Особенно внимателен и заботлив был Владимир Ильич в те дни, когда мать постигала какая-нибудь гроза. За революционную деятельность ее детей часто подвергали арестам и ей приходилось

---

1. В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.63

2 В.И.Ленин, Письма к родным, стр.365.

бегать по разным департаментам и министерствам, добиваясь свидания с детьми, разрешения передать посылку, хлопотать об устройстве их дел. В такие дни Владимир Ильич старался подбодрить мать, советовал ей, куда ей лучше обратиться с той или иной просьбой и как это сделать? Понимая, как тревожится и беспокоится мать за судьбу своих арестованных детей, Владимир Ильич в своих письмах старается успокоить ее, умалить серьезность положения.

"Дорогая мамочка! Получил я на днях твое письмо к Наде с приложением письма Маняши. Ужасно грустно было узнать, что дела наших так печальны! Милая моя, я не знаю уже, что тут и посоветовать. Не волнуйся пожалуйства чересчур, - вероятно, придирки к нашим со стороны прокуратуры представляют из себя последние попытки раздуть"дело" из ничего, и после неудачи этих попыток они должны будут их выпустить. Может быть, не бесполезно было бы тебе съездить в Петербург, если только здоровье позволяет, и пожаловаться там на такую невиданную вещь, как отсутствие допроса в течение шести месяцев",[I] - читаем в письме Владимира Ильича от I/9-I90I г.

"Чрезвычайно рад был узнать, что есть надежда на скорое освобождение наших. Авось и в самом деле убедятся, что никакого "дела" не выйдет",[2] - спешит Владимир Ильич разделить радость матери в следующем письме.

Владимиру Ильичу всегда хотелось, чтобы мать жила с ним, но это было неосуществимо потому, что Мария Александровна всегда

I В.И.Ленин, Письма..., стр.258.

2 Там же, стр.256

старалась быть с тем из детей, кто подвергался полицейским преследованиям. Не имея возможности часто видеть мать, Владимир Ильич в своих письмах приглашает ее к себе: "Как твое здоровье теперь, моя дорогая? Продолжаешь ли думать насчет поездки за границу летом? Если только не чересчур утомит это тебя, то было бы отлично".[1]

При этом он очень подробно описывает ей, как доехать, где остановиться на ночлег, каким поездом лучше добираться. "Непременно надо выбирать дневные поезда и останавливаться на ночевки в гостиницах. За границей гостиницы стоят не дорого, и можно переночевать отлично...

В Германии и Австрии советую выбирать скорые поезда (небольшая доплата в 3 классе, но громадное ускорение), а расписание составить дома..."[2].

Однако, Марии Александровне удалось побывать в гостях у Владимира Ильича только два раза. В 1902 г. она пожила с Владимиром Ильичем и Анной Ильиничной на севере Франции. Во второй раз ей удалось видеть Владимира Ильича в Стокгольме, куда она ездила вместе с Марией Ильиничной в 1910 году, специально чтобы повидаться с ним.

М.И.Ульянова, вспоминая о последнем свидании Владимира Ильича с матерью в Стокгольме, пишет, что Владимир Ильич проводил их тогда до пристани - "на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и В.И. могли там аре-

---

[1] В.И.Ленин, Письма..., стр.265.

[2] В.И.Ленин, Письма..., стр.268-269.

товать, - и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице. Точно он предчувствовал, что это будет его последнее свиданье с матерью".[1]

И действительно, это было их последнее свидание. Мария Александровна умерла в июле 1916 г., незадолго до Февральской революции. После приезда в Россию, как только выдался свободный день, Владимир Ильич, позвонив В.Д.Бонч-Бруевичу, попросил у него машину. Его первой поездкой в Петрограде была поездка на Волково кладбище, где похоронена мать Владимира Ильича.[2]

Много внимания уделял всегда Владимир Ильич и своим сестрам и брату, а также М.Т.Елизарову - мужу Анны Ильиничны. В дореволюционный период Владимиру Ильичу редко удавалось видеться с ними, но зато переписка поддерживалась самая оживленная. Ленин постоянно интересовался как они живут, как чувствуют себя, хорошо ли отдыхают и т.д. Так в одном из писем он интересуется здоровьем Марии Ильиничны и ее учебой, так как из-за болезни она была вынуждена не посещать гимназию. "Как твое здоровье Маняша? Мне писали, что ты уже ходишь в гимназию. Следовало бы заставить себя гулять ежедневно часа по два. Стоит это сидеть так усердно за уроками и портить здоровье".[3] В следующем письме Владимир Ильич советует ей на то время, пока не поправится здоровье, бросить учебу в гимназии. "Гимназию всегда можно будет кончить, -

---

1 Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.141.

2 В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.66

3 В.И.Ленин, Письма..., стр.4.

а поездка теперь освежит тебя, встряхнет, чтобы ты не кисла очень уж дома",[1] - пишет он.

Длительные перерывы между встречами с родными угнетают Владимира Ильича, в одном из его писем к матери очень заметно его желание увидеться со всеми. "Дорогая мамочка! Ты получишь, вероятно, это письмо незадолго до праздников. Поздравляю и желаю провести их повеселее: может быть приедет Митя на это время и вы соберетесь вместе, хоть те по крайней мере, кто в России. Мы с Аней думали было тоже съехаться, но не удалось".[2] Владимир Ильич был очень доволен, когда получил от Марии Ильиничны фотографию брата и благодарит за нее в письме: "Получил на днях письмо и открытку от Маняши с карточкой Мити... Большое спасибо за все. Очень рад был Митиной карточке - она, по-моему, удачная. Я уже успел соскучиться по карточкам и непременно буду просить Надю привезти мой альбом, а если будут у Вас новые карточки, то присылайте".[3]

С Анной Ильиничной Владимир Ильич переписывается очень часто. Когда он находился в ссылке, Анна Ильинична занималась изданием его книги "Развитие капитализма в России", поэтому переписка с ней в этот период носит по преимуществу деловой характер. Когда удалось наладить издание книги, Владимир Ильич в письме к Анне Ильиничне выражает ей свою признательность: "Очень и очень благодарен В.А.[4], Мите и особенно тебе за все хлопоты с книгой..."[5]

---

1 В.И.Ленин, Письма..., стр.5

2 Там же, стр.237.

3 В.И.Ленин, Письма..., стр.241.

4 В.А. - статистик В.А.Ионов, который корректировал статистические таблицы в книге В.И.Ленина "Развитие капитализма в России".

5 В.И.Ленин, Письма..., стр.162

Очень обеспокоен Владимир Ильич здоровьем брата Дмитрия Ильича, когда тот в 1897 г. был арестован и посажен в Таганскую тюрьму. "Нехорошо это, что у него уже за два с половиной месяца одутловатость какая-то успела появиться, - читаем в письме Владимира Ильича к матери. - Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-вторых, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо".[1]

Почти в каждом письме Владимира Ильича в этот период сквозит тревога за судьбу брата. В одном из писем к матери Ленин настоятельно рекомендует ему заниматься гимнастикой: "Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) - 50 земных поклонов... Но только, чтобы не меньше 50-ти раз подряд и чтобы не сгибая ног доставать каждый раз об пол - так ему и написать".[2]

После выхода из тюрьмы Дмитрий Ильич в течение двух лет тщетно добивался того, чтобы Министерство народного просвещения разрешило ему поступить в какой-нибудь университет страны для окончания образования (до ареста он учился в Московском университете, откуда сразу же был исключен без права поступления в любой университет страны).и Владимир Ильич близко к сердцу принимал все мытарства брата с возвращением в университет. 19 сентября 1900 года он пишет матери из Мюнхена: "Крайне досадно, что Мите отказали в поступлении в университет. Терять год еще, - это чорт знает что такое! Авось удастся все еще при помощи одной

---

1 В.И.Ленин, Письма..., стр.82

2 В.И.Ленин, Письма..., стр. 82-83

из тех заручек, о которой ты пишешь".[1]

Наконец забрезжила надежда, что Дмитрия Ильича пустят в Тартуский, тогда Императорский Юрьевский университет. Ленин спешит выразить матери свою радость: "Очень рад был узнать, что Митино дело налаживается и что его, вероятно, пустят в Юрьев".[2]

В Тарту Дмитрий Ильич пробыл с сентября 1900 года по декабрь 1901 г. Здесь ему пришлось много и напряженно заниматься, кроме того Дмитрий Ильич проходил в университетской поликлинике медицинскую практику. К своим обязанностям врача-практиканта Дмитрий Ильич относился очень добросовестно, не считаясь с тем, что это отражается на его занятиях.

В письмах из Мюнхена Владимир Ильич часто осведомляется о Дмитрии Ильиче: "Дорогая мамочка! Как-то вы поживаете? Что нового, что пишет Митя из Юрьева - он, поди, еще сильнее работает теперь перед экзаменами?" "Что пишет Митя? Когда он кончает экзамены?" "Привет Мите. Он, должно быть, занят-таки изрядно?"[3]

Думается, что настойчивые вопросы Ленина о том, когда Дмитрий Ильич окончит экзамены, подсказаны не только естественным интересом к делам брата, но и соображениями партийной работы. На местах, в рабочих центрах нужны были опытные люди для пропаганды идей "Искры", для строительства революционной марксистской партии. Ленин расчитывал и на Дмитрия Ильича, являвшегося членам искровской организации. Показательно, что Дмитрий Ильич сразу же после окончания университета включился в активную партийную работу.[4]

---

1 Там же, стр.227.
2 Там же, стр.229
3 В.И.Ленин, Письма..., стр.243, 245, 250
4 Д.Руднев, Дмитрий Ильич Ульянов в Тарту, Таллин,1959, стр.38.

Tartu Ülikooli Raamatukogu
ARHIIVKOGU

Ленин переписывался с Дмитрием Ильичем, когда тот учился в Тарту. В одном из писем к матери из Мюнхена от I июля I90I г. Ленин сообщает: "От Мити получил посланные им и вырученные, должно быть, за продажу моего ружья деньги (76 руб.)".[I] О связи между братьями говорят и такие строки из письма Ленина в Подольск от 7 июня I90I года: "Дорогая мамочка! Получил я твое письмо от I0 мая и газеты от Мити. За письмо и за газеты - большое спасибо. Митю очень бы просил и вперед присылать всякие попадающие ему в руки интересные номера русских газет".[2]

После революции Ульяновы часто собирались вместе. Мария Ильинична в то время жила вместе с Лениным и Крупской. Анна Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаров часто бывали в гостях у Ленина в Горках. Шофер Ленина С.К.Гиль вспоминает, что Владимир Ильич всегда радовался их приезду, радушно принимал их и старался подольше удержать у себя.[3]

Бывал наездами из Крыма и Дмитрий Ильич, который в то время занимал пост председателя Совнаркома Крымской республики. В Горках Владимир Ильич вместе с Дмитриев Ильичем совершали прогулки по окрестностям, иногда ходили на охоту.

Характерной чертой взаимоотношений Н.К.Крупской и В.И.Ленина было безграничное и глубокое уважение. В воспоминаниях Бонч-Бруевича есть такие строки: "Его отношения с Надеждой Константиновной могут служить действительным образцом нашей социалистической семьи. Постоянное дружески-товарищеское внимание,

---

I В.И.Ленин, Письма..., стр.225

2 Там же, стр.253

3 С.К.Гиль, Шесть лет..., стр.57

стремление побыть вместе, поделиться новостями и новыми мыслями, обсудить сообща все важное в политической жизни и после напряженной работы отправиться вдвоем на отдых - таковы были отношения в семье Ленина".[1] Когда Владимиру Ильичу удавалось выкроить свободный часок, он всегда стремился за город вместе с Надеждой Константиновкой. В его письмах часто встречаются упоминания об этом. "Шлем привет с Надей с прогулки - приехали сюда на целый день". "Дорогая мамочка! Посылаем тебе, Анюте и Мите привет с воскресной прогулки. Гуляем с Надей на велосипедах".[2]

Когда Надежда Константиновна заболела базедовой болезнью, Владимир Ильич был очень обеспокоен: "На днях переехали мы (отчасти по случаю Надиной болезни - базедовой болезни, которая меня немало тревожит) на лето в горы, в деревню Поронин... У Нади от переезда болезнь кажется ухудшилась. Придется, пожалуй, везти ее в Берн лечить..."[3] Владимир Ильич перебывал с ней у лучших врачей. Убедившись, что операция неминуема, он попросил произвести ее знаменитого бернского хирурга Кохера, и сам присутствовал в клинике, где делали операцию. В течение долгой болезни Надежды Константиновны Владимир Ильич настолько изучил литературу о базедовой болезни, способах лечения, что рассуждал как заправский специалист.

В воспоминаниях С.К.Гиля после октябрьского периода взаимоотношения Ленина и Н.К.Крупской описаны в очень теплых тонах.

---

1 В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.59

2 В.И.Ленин, Письма..., стр.393, 382

3 Там же, стр.412.

Гиль пишет, что, несмотря на огромную занятость, Владимир Ильич постоянно осведомлялся позавтракала ли Надежда Константиновна, не устала ли от заседания, укрывала ли ноги теплым пледом, который Ленин специально для этой цели отдал Гилю.

Когда Н.К.Крупская заболела, Владимир Ильич попросил устроить ее неподалеку от Москвы, в тихом месте. Он был очень доволен, что местом лечения и отдыха была выбрана не больница или дом отдыха, а лесная школа в Сокольниках. В дни болезни Надежды Константиновны Ленин часто по вечерам посещал ее. Он ежедневно звонил к профессору Ф.А.Гетье, лечившему Крупскую, и детально расспрашивал о ходе ее болезни.[1]

Очень внимательно относился Ленин к матери Крупской Елизавете Васильевне, которая в свою очередь заботилась о нем. Она жила с ними и в Сибири, и за границей, вела хозяйство, помогала в работе. Крупская вспоминает, что Ленин часто спорил с Елизаветой Васильевной, но отношения между ними никогда не портились. "Раз как-то сидит мать унылая. Была она отчаянной курильщицей, а тут забыла купить папирос, а был праздник, нигде нельзя было достать табаку. Увидал это Ильич. "Эка беда, сейчас я достану", и пошел разыскивать папиросы по кафе, отыскал, принес матери".[2]

В предыдущей главе упоминалось о непритязательности Владимира Ильича в личной жизни, но это вовсе не значит, что ему были чужды наиболее доступные человеческие радости. Владимир Ильич любил жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее

---

[1] С.К.Гиль, Шесть лет..., стр.54-56.

[2] Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.260.

в себя, и эта любовь проявлялась у него в живом и неутомимом интересе ко всему в мире. Наиболее ярко проявлялась у него эта любовь в отношениях с детьми. Владимир Ильич очень любил детей. "Его любимцы - дети... С ними он может играть подчас целыми часами".[1]

Так в одном из писем к матери, он просит выслать ему в ссылку книги для детей ссыльного поляка Проминского.[2] С ними Владимир Ильич жил в большой дружбе и любил повозиться. Крупская пишет, что в ссылке у них во дворе жил поселенец - латыш-катанщик. Его сын, Минька, очень привязался к Владимиру Ильичу и почти каждое утро появлялся у них в доме, зная, что Владимир Ильич всегда пошутит и повозится с ним. И, когда Ульяновы уезжали из ссылки, Миняй даже захворал с горя.

К детям Владимир Ильич относился очень чутко и внимательно, принимал самое горячее участие в их забавах и умел так подойти к ним, что они в нем души не чаяли. "Детей он ласкал осторожно, какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями".[3]

А.А.Семашко, вспоминая о жизни в эмиграции под Парижем, пишет, что Владимир Ильич часто заезжал к нему в гости на велосипеде и любил поиграть с его детьми. Иногда Владимир Ильич не заставал хозяина дома и оставался ожидать. Семашко вспоминает, что, возвращаясь домой, он часто заставал такую картину: мальчишка сидит на одном колене Владимира Ильича, девочка - на

---

1 А.В. Луначарский, Из встреч с Владимиром Ильичём в эмиграции, Воспоминания..., т. 2, стр. 140

2 В.И. Ленин, Письма..., стр. 91.

3 А.М. Горький, В.И. Ленин, Воспоминания..., т. 2, стр. 264.

другом, и, обнявшие его, они с разгоревшимися глазами слушают его рассказ. Семашко поражался, как умел Владимир Ильич говорить с детьми - просто и ясно, как друг и учитель. "После серьезных разговоров Владимир Ильич иногда говорил сыну: "Ну, Сергей, засучивай рукава, давай драться". И мой флегматик-малыш деловито засучивал рукава, серьезно становился в позу против Владимира Ильича, и они начинали боксировать".[1]

Однажды Н.А.Семашко и Владимир Ильич собрались на велосипедную прокулку. Дочка Семашко умоляла взять ее с собой и, хотя отец был против, Владимир Ильич настоял на том, чтобы она поехала с ними. В дороге девочка приустала и разомлела от жары. Это очень беспокоило Владимира Ильича и он, как мог, старался ей помочь. Сам весь мокрый от жары, он не позволял ей идти в гору, одной рукой тянул свой велосипед, а другой - ее. Когда Семашко смеялся и просил его бросить это занятие, он сердился и отвечал: "Вот у таких родителей надо отбирать детей".[2]

В Горках Владимира Ильича часто видели гуляющими в окружении целой ватаги ребятишек. Шофер Ленина, С.К.Гиль, вспоминает, что нередко, когда их машина заезжала в деревню и ее окружали толпы крестьянских ребятишек, Владимир Ильич просил остановить машину и они, насажав в нее ребят сколько возможно, ехали так некоторое время. По пути Владимир Ильич шутил, смеялся, расспрашивал ребят о всякой всячине, при этом внимательно следил, чтобы

---

[1] Н.А.Семашко, Незабываемый образ, Воспоминания..., т.2, стр.276.

[2] Там же, стр.277.

кто-нибудь из детей не вывалился из машины. "Держитесь лучше! - говорил Ленин время от времени. - Держитесь! Ну, а теперь хватит, а то забудитесь!"[I]

Любовь к детям Владимир Ильич сохранил до последних дней своей жизни. Как известно, незадолго до смерти Владимира Ильича в его доме в Горках.. была устроена елка для крестьянских детей. Елка в те времена была необычным явлением. Естественно, что малыши, впервые в жизни видя блиставшую огнями и подарками елку, очень развеселились, расшалились. Владимир Ильич тогда уже не мог ходить, велел привезти его в зал, где проходил праздник. Расшалившиеся ребятишки лезли к нему на колени, приставали, всячески теребили. Взрослые пытались их как-то урезонить и, заботясь о здоровье Владимира Ильича, отстранить детей от него. А он, тяжело больной, запрещал это делать и приближал детей к себе. Общение с ними приносило ему огромную радость.

Став во главе государства, Владимир Ильич неустанно проявлял заботу о положении детей в Советском государстве. Вскоре после Великой Октябрьской революции по инициативе Ленина был создан при Наркомпросе Совет охраны общества с участием представителей всех ведомств, имеющих отношение к детям. Увидев позже, что Совет при Наркомпросе не пользуется достаточным авторитетом у других наркоматов и решения его часто не выполняются, Владимир Ильич подал мысль об организации Комиссии по улучшению жизни детей при верховном органе - Президиуме ВЦИК;

I С.К.Гиль, Шесть лет с В.И.Лениным, стр.63.

во главе ее был поставлен большой друг детей Ф.Э.Дзержинский.

Особенно горячую заботу о детях проявлял Владимир Ильич в тяжелые годы голода и разрухи. Замечательные декреты за подписью В.И.Ленина, изданные тогда Совнаркомом, навсегда останутся историческими памятниками заботы советской власти и товарища Ленина о детях. По поводу образования детской комиссии ЦК ВКП(б) и Президиум ВЦИК обратились к местным организациям с письмом. "Дети в советской пролетарской стране должны быть вполне обеспечены, и они будут обеспечены, несмотря на тяжелые хозяйственные и продовольственные затруднения, какие испытывает страна",[I] - так заканчивалось письмо.

Декрет 1919 года "О бесплатном детском питании", подписанный В.И.Лениным, гласил: "Все предметы питания, выдаваемые местными продовольственными органами детям в возрасте до 14 лет включительно, впредь выдавать бесплатно за счет государства... Право на бесплатное питание предоставляется всем детям, указанного выше возраста..."[2]. Лучшие дачи и помещения в совхозах были отведены для детских учреждений согласно распоряжению В.И.Ленина. Один из его декретов гласил: "Поставить перевозку грузов для детских колоний наравне с военными грузами".[3]

Владимир Ильич заботился не только об охране жизни и здоровья детского населения. Он заботился также об образовании, воспитании подрастающего поколения. Он всегда помнил об этом поколении, интересовался условиями его жизни в других странах

I Н.А.Семашко, Ленинская забота о человеке, сб.Ленин-товарищ, человек, стр.113.

2 Там же, стр.113.

3 Там же, стр.113.

с тем, чтобы все хорошее и ценное перенять и привить в своей стране.

В беседе с японским журналистом Р.Накахира Владимир Ильич, интересуясь жизнью японского народа, задал и такой вопрос: "Я прочел в одной книге, что в Японии родители не бьют своих детей. Так ли это?" "Мы ответили, - пишет Накахира, - что исключения, конечно, бывают, но, как правило, у нас не бьют детей". Ленин с большим удовлетворением отметил, что один из принципов рабоче-крестьянской власти тоже заключается в отмене телесного наказания детей.[I] Дети всегда были предметом заботы и внимания Владимира Ильича.

б) Ленин в отношениях с окружающими

Не менее внимательно относился Владимир Ильич к своим соратникам и товарищам по борьбе. Всякий товарищ, с которым его свела судьба и общее революционное дело, был для него предметом нежных забот и внимания. Об этой черте Владимира Ильича существует множество трогательных рассказов. Обладая общительным и жизнерадостным характером, Владимир Ильич быстро сходился с людьми. Его деликатность и обходительность не менее быстро завоевывали ему их расположение. Своей приветливостью и простотой он производил чарующее впечатление. Он совершенно не давал чувствовать своего интеллектуального превосходства, охотно делился с товарищами своими задушевными мыслями и настроениями,

---

I Коммунизм - великое созидание, "За рубежом", 1970, № 16, стр.7.

своими взглядами на ту или иную только что прочитанную им книжку, сведениями о политических новостях. П.Н.Лепешинский в своих воспоминаниях приводит такой факт.[1]

Во время переезда из Красноярска в Минусинский уезд к месту ссылки Владимир Ильич взял на себя заботу о женах Старкова и Лепешинского и произвел на них огромное впечатление. В письме к мужу Лепешинская пишет, что "такого милого, деликатного, обходительного человека ей никогда не приходилось встречать. Он, казалось, только и думал о том, какую оказать услугу и ей, и Старковой, и прочим пассажирам, с которыми судьба свела его в течение долгих шести или семи дней путешествия по безлюдной пустынной местности". Когда на пароходе оказался продовольственный кризис, Владимир Ильич вызвался раздобыть продуктов в соседней деревушке у крестьян.

По свидетельству Н.К.Крупской, у Ленина постоянно были увлечения людьми, "подметить в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепиться в человека".[2] Он никогда не ставил себе на стол карточки тех, кого любил, но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова.

Георгий Валентинович Плеханов сыграл значительную роль в развитии революционного мировоззрения Ленина, помог найти ему правильный революционный путь. За это так глубоко чтил его Владимир Ильич и потому так болезненно переживал всякое самое незначительное расхождение с ним. Но Владимир Ильич был революци-

---

[1] П.Н.Лепешинский, На рубеже двух веков, Воспоминания, т.2, стр.68-69.

[2] Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.477.

онным марксистом. Вся его жизнь, деятельность были подчинены одной великой цели - борьбе за торжество идей социализма. Это накладывало отпечаток на все его чувства и мысли. Ему чужда была всякая мелочность, мелкая зависть, злоба, мсительность, тщеславие, очень присущие индивидуалистам. А индивидуалистам Владимира Ильича никак не назовешь. Даже при самом беглом знакомстве с его деятельностью, с воспоминаниями товарищей о нем, сразу бросается в глаза то, что этому человеку органически присущ самый глубокий коллективизм. Ленин боролся, резко ставил вопросы, но никогда не вносил в споры ничего личного, всегда подходил к вопросам с точки зрения интересов дела. Поэтому он и рвал личные отношения с людьми, которые в своей деятельности отходили от этого дела. Его впечатлительная натура делала эти разрывы необычайно тяжелыми для него, но он, как никто, умел молчать о тайных бурях в своей душе. Личные привязанности никогда не ставились им на первое место, но, как человек, он очень тяжело переживал разрывы с людьми. Поэтому так тяжело переживал разрыв с Плехановым, который стал отходить к меньшевизму.

Не менее тяжелы были для Владимира Ильича и разрывы со старыми соратниками по "Искре" В.И.Засулич, Потресовым, Мартовым. Особенно любил Ленин Мартова. Ленину импонировала его впечатлительность, горячность в делах, колоссальная память и умение всегда быть в курсе всего. Он очень ценил его как талантливого журналиста и чуткого товарища. Политически порвав с ними, Ленин разрывал и личные отношения. Но, продолжая уважать этих людей за личные достоинства, Ленин в дальнейшем не переставал следить

за судьбами полюбившихся ему людей и всегда был готов первый протянуть руку дружбы, если видел, что политическая линия бывшего товарища начинает выпрямляться. Личная привязанность заставляла его сожалеть о том, что еще один или несколько очень полезных и умных товарищей отошли от марксистской линии в борьбе.

"Жаль Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!"[I]

Владимир Ильич очень внимательно приглядывался к людям, прислушивался к тому, что они говорили, старался охватить самую суть, и потому он умел по ряду незначительных мелочей улавливать облик человека, умел замечательно чутко подходить к людям, раскрывать в них все хорошее, ценное, что можно поставить на службу делу. Он всегда умел почерпнуть из общения с людьми что-нибудь полезное для себя.

Забота о товарищах была его характерной чертой. Он заботился о них и тогда, когда сидел в тюрьме, и в ссылке, и в эмиграции, и став во главе большого государства.

Н.Л.Мещеряков[2] вспоминает, что однажды, живя в ссылке в якутском улусе, он получил письмо из-за границы, содержание которого ему ничего не говорило. После химического исследования он узнал из этого письма целый ряд революционных новостей, которые вызвали у него необычайный прилив жизненных сил и желание

I А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.266.

2 Н.Л.Мещеряков (1865-1942) - социал-демократ, литератор, после II съезда РСДРП - большевик. Подвергался арестам и ссылкам в Сибирь.

как можно скорее поделиться этими радостными известиями с другими ссыльными товарищами. Впоследствии он узнал, что это письмо по просьбе Владимира Ильича написала Н.К.Крупская. С того времени Мещеряков и его ссыльные товарищи часто получали такие письма из-за границы, которые держали их всех в курсе революционных событий. "Не оставлять товарищей, которые попали в ссылку, - характерная черта Владимира Ильича", - утверждает Мещеряков.[I]

Другого ссыльного, И.А.Теодоровича, которому было совершенно нечем жить. Владимир Ильич время от времени поддерживал материально и, зная его, как страстного любителя книг, все время снабжал литературой.[2]

Товарищи, близко знавшие Ленина в эмиграции, вспоминают о том, что Владимир Ильич всегда с большим нетерпением ждал вестей из России. Всех прибывших оттуда он окружал исключительным вниманием и заботой. Он всегда интересовался, где они остановились, удобно ли, каково их материальное положение, не нужна ли какая-нибудь помощь? Многие приезжавшие первое время находили приют в гостеприимной квартире Владимира Ильича. Когда они собирались возвращаться в Россию, Владимир Ильич всегда принимал деятельное участие в сборах в дорогу, помогал выбрать наилучший маршрут, следил за тем, чтобы отъезжавший был снабжен всем необходимым в дороге, давал адреса и явки, где бы тот мог получить необходимую помощь по прибытии на место.

I Н.Л.Мещеряков, Из воспоминаний о Ленине, Воспоминания..., т.2, стр.96.

2 Там же, стр.97.

Вот характерный эпизод, описанный в воспоминаниях Н.К. Крупской. В 1911 г. к Ленину в Париж приехал т.Тер-Петросян - широко известный под псевдонимом Камо, который перед этим около трех лет просидел в тюрьме, где очень успешно симулировал психически больного. Признанный психически безнадежно больным, он был переведен в психиатрическую больницу, откуда бежал, а потом нелегально приехал в Париж, чтобы поговорить с Владимиром Ильичем. Его страшно мучил раскол между Лениным, с одной стороны, и Богдановым и Красиным - с другой. Он был горячо привязан ко всем троим. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы его сидения в тюрьме обстановке. Камо еще тяготился тем, что остался не у дел и строил на этот счет всевозможные фантастические планы. Ленин осторожно, но настойчиво пытался спутить его на землю. Наконец, по совету Владимира Ильича, он решил ехать сначала в Бельгию, где сделает себе глазную операцию (он немного косил и шпики сразу узнавали его по этой примете), а затем морем проберется на юг, потом на Кавказ. Собирая его в дорогу, Владимир Ильич обратил внимание на его легкое пальто и спросил: "А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?"[1]. И когда выяснилось, что никакого другого пальто у Камо нет, Владимир Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который ему особенно нравился. Разговор с Ильичем, ласка Ильича немного успокоили Камо.[2]

---

1 Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.184

2 Там же, стр.184.

В то время, когда Ленин стал председателем Совнаркома, он также мягко и заботливо относился к каждому товарищу. Для него не было в этом отношении ответственного и рядового работника. Он проявлял заботливость как к сотрудникам, работавшим в его аппарате, так и к товарищам, возглавлявшим тот или иной наркомат, и ко всем, кто нуждался в его помощи.

С.Б.Бричкина, работавшая в то время в секретариате Совнаркома, вспоминает, что часто среди делового разговора Ленин обращался к ней со словами, в которых звучала тревога:

"А знаете, такая-то сотрудница выглядит очень плохо. Ее необходимо подлечить и подкормить. Вы, пожалуйста, позаботьтесь об этом".[1]

Всех, кто близко знал Владимира Ильича, всегда поражала его исключительная способность все видеть, все замечать и быть всегда готовым придти на помощь.

Умерла известная большевичка Инесса Арманд. Владимир Ильич полон забот об устройстве ее детей. Он куда-то звонит, с кем-то согласовывает и устраивает детей Арманд на питание в гостинице "Люкс".[2]

Ф.Д.Дзержинский доработался до кровохарканья. В.И.Ленин звонит Е.Д.Стасовой и предлагает записать решение ЦК о том, что Дзержинскому предписывается поехать на две недели в отпуск в Нарофоминск. Тогда в Нарофоминске был лучший под Москвой совхоз и Дзержинский мог получать там хорошее питание. Владимир Ильич,

---

1 С.Б.Бричкина, Товарищеская забота, Ленин-товарищ..., стр.148.

2 [redacted]
Там же стр.149.

учитывавший все до мелочей, учитывал и то, что в совхозе не было телефона, следовательно, Дзержинский не будет звонить в Москву и поэтому сможет лучше отдохнуть.[1]

Таких примеров можно привести множество. В.И.Ленин заботился о том, чтобы такому-то товарищу была выдана обувь или шапка, чтобы во всех помещениях Совнаркома были поставлены графины с водою и стаканы для посетителей. И всегда Ленин через своих секретарей проверял выполнение такого рода указаний.

Сердечное внимание к товарищам проявлялось Владимиром Ильичем на протяжении всей его жизни, но оно не было, как справедливо заметил Горький, проявлением "своекорыстной заботливости, которая иногда свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам."[2]

"Нет, это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным".[3]

Ленин бывал резок с людьми, споря с ними, он порой порой безжалостно высмеивал их, но никогда не переставал восхищаться моральной стойкостью и талантами людей, которых он еще вчера "разносил". Как никто, он умел ценить людей, в его заботах о них сквозит чувство безграничного уважения к людям, поколению которых удалось выполнить работу "изумительную по своей исторической значительности".[4]

---

1 Е.Д.Стасова, Забота о товарищах, Ленин-товарищ..., стр.II4

2 А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.266

3 Там же.

4 Там же, стр.264

Великие умы, по образному выражению Карла Маркса, всегда связаны невидимыми нитями с телом народа. Жизнь Владимира Ильича - неопровержимое тому свидетельство. Никакие самые большие дела, будь то государственные или партийные, не мешали Ленину проявлять отеческую заботу о людях. Он хлопотал об очках для крестьянина, которого впервые видел, об обеде для матери своего секретаря, о красноармейце, вернувшемся с фронта, об истопнике, который топил печь в его кабинете, о часовщике, которого несправедливо наказали, о больной женщине, которой нужно было сделать срочную и сложную операцию. Он жил делами людей и для людей.[I]

Любил Владимир Ильич наблюдать жизнь простых людей, их неприхотливый быт. Он всегда умел подметить в пролетарской массе что-нибудь такое, что было созвучно его представлениям об этом классе. Очень выразительный эпизод описан у Н.К.Крупской. В 1910 г. Крупская и Ленин отдыхали в небольшом французском местечке Порник, расположенном на берегу моря. С ними отдыхали впередовцы Костицыны и Саввушка. Владимир Ильич "много купался в море, много гонял на велосипеде - море и морской ветер он очень любил, - весело болтал о всякой всячине с Костицыными, с увлечением ел крабов, которых ловил для нас хозяин. Вообще к хозяевам он воспылал большой симпатией. Толстая громкоголосая хозяйка - прачка - рассказывала о своей войне с ксендзами. У хозяев был сынишка - ходил он в светскую школу, но так как мальчонка прекрасно учился, был бойким талантливым парнишкой, то ксендзы всячески старались убедить мать отдать его учиться к

I Н.Костин. Из новых воспоминаний о Ленине, М.1967, стр.14.

ним в монастырь. Обещали стипендию. И возмущенная прачка рассказывала, как она выгнала вон приходившего ксендза: не для того она сына рожала, чтобы подлого иезуита из него сделать. Оттого так и подхваливал крабов Ильич"[I], - читаем у Крупской.

В 1916 году, в самый разгар империалистической войны, Владимир Ильич жил в Цюрихе. Они с Крупской снимали комнату у сапожника Каммерера. Дом был старый, двор вонючий, комната неважная. Можно было за те же деньги получить гораздо большую и лучшую комнату. Но Владимиру Ильичу импонировало то, что семья сапожника была настроена революционно, осуждала империалистическую войну. И еще его радовало то, что квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной - жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой - итальянец, в третьей - австрийские актеры, в четвертой - Ульяновы. "Никаким шовинизмом не пахло, - вспоминает Крупская, - и однажды, когда около газовой плиты собрался целый женский интернационал, фрау Каммерер возмущенно воскликнула: "Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!" После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату".[2]

Пристальное внимание к широким народным массам чрезвычайно обогащало теоретическое мышление Владимира Ильича. Он, как никто, понимал массы и, чутко прислушиваясь к их брожению и наблюдая реакцию масс на то или иное явление в общественной жизни, всегда умел уловить именно то, что наиболее полно отвечало их интересам.

I Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.181

2 Там же, стр.271-272.

В 1921 году из далекой Сибири приехал в Москву крестьянин Осип Чернов, чтобы повидать Ленина и передать ему кое-какие свои мысли. И этот крестьянин предложил Владимиру Ильичу заменить, ставшую тормозом в развитии сельского хозяйства продразверстку прогрессивным продовольственным налогом. Эта мысль была подхвачена Лениным и он предложил Чернову свои соображения изложить в статье, которая была напечатана в "Правде". После этого Ленин беседовал со многими крестьянскими представителями, посетил ряд деревень. Из разговоров с крестьянами он вынес твердое убеждение в необходимости замены разверстки, чтобы увеличить материальную заинтересованность крестьян в подъеме хозяйства. Советовался Ленин и с руководящими деятелями партии и государства. Он поддержал идею Чернова, написав в начале февраля 1921 г. "Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян",[1] в котором сформулировал основные положения о замене продразверстки продналогом. Все это ярко характеризует ленинский стиль руководства, показывает, какое огромное значение Ленин придавал коллективному мнению, учету практического опыта, как внимательно он прислушивался к голосу масс.

Ленин глубоко верил в творческие силы народа и его разум. Он всегда горел желанием Учиться у масс видеть жизнь их глазами. Отсюда его постоянная тяга к людям, к представителям самых широких слоев трудящихся, отсюда его органическая связь с ними, отсюда самое внимательное отношение к тысячам их мелких, на первый взгляд, нужд. "Ленин - это не только гениальный ум, но

---

[1] В.И.Ленин, Биография, стр.486.

и огромнейшее сердце, впитавшее в себя все страдания угнетенных и до самых глубин своего существа поверившее в неисчерпаемые силы пролетариата, в его окончательную победу. Прекрасно это гармоническое сочетание человечности и гения".[I]

[I] С.Б.Бричкина, Товарищеская забота, Ленин-товарищ, человек, стр.149.

ГЛАВА IУ

КАК ОТДЫХАЛ ИЛЬИЧ

Выше говорилось о необычайной трудоспособности Владимира Ильича, которой поражались все, кто его знал. Но и отдыхать он умел так, что многие, наблюдавшие это, не могли не позавидовать. "Он берет этот отдых, как какую-то ванну, - читаем у А.В.Луначарского, - во время его он ни о чем не хочет думать и целиком отдается праздности и, если только возможно, своему любимому веселью и смеху. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе".[I]

Владимир Ильич радовался жизни во всей ее многогранности. Ему часто приходилось переезжать с места на место, менять адреса, города, страны, но везде и всюду он не забывает оглядываться вокруг, видеть и любоваться первозданной красотой природы. В его письмах к родным часто встречаются описания ее красот. "Природа здесь роскошная, - пишет он матери по пути в Швейцарию. - Я любуюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона".[2] "На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около I200 метров над уровнем моря) - роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек. А внизу под горой, - настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы

I А.В.Луначарский, Владимир Ильич Ленин, "Наука и жизнь", I966, № I, стр.6-7.

2 В.И.Ленин, Письма к родным, т.37, стр.8.

вырисовываются, да и то только очень высокие. Даже малый Салэв (900 метров) весь в тумане".[1] "На днях... катался... по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде".[2] "Погода здесь стоит для осени удивительно хорошая - должно быть в возмездие за плохое лето. Мы с Надей уже не раз отправлялись искать - и находили - хорошие пригороды с "настоящей природой".[3]

Приведенные отрывки ясно говорят, что писавший их страстный любитель природы. Поэтому, не случайно, что Владимир Ильич очень любил загородные прогулки. Его всегда тянуло побродить по окрестностям, отыскать где-нибудь в лесу или у реки какое-нибудь заповедное место, где трудно встретить людей и где всегда так хорошо ему думалось. Если позволяло время, Владимир Ильич вместе с Н.К. Крупской предпринимал и довольно далекие пешие прогулки, во время которых он полностью отрешался от всех забот и треволнений, коими всегда насыщена любая политическая деятельность.

Вот, например, описание одного такого путешествия в письме Н.К.Крупской к матери Владимира Ильича. "Сейчас мы в Лозанне. Уже с неделю как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем - Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на две в горы. Пройдем к Интерлапену, а

---

1 В.И.Ленин, Письма к родным, стр.281

2 Там же, стр.225

3 Там же, стр.271.

оттуда к Люцерну, читаем Бедекера и тщательно обдумываем свое путешествие. За неделю мы уже значительно "отошли", вид даже приобрели здоровый... Мы с Володей заключили условие - ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности, не думать".[1]

Если Владимиру Ильичу не удавалось выбраться на природу вместе с Надеждой Константиновной, он много и охотно гулял один, как всегда выбирая глухие и уединенные места. При этом он не брал с собою ничего, что могло отвлечь его мысли от удовольствия где-нибудь в потаенном уголке полюбоваться солнечным закатом или буйным пробуждением жизни ранней весной. В одном из своих писем к матери он пишет, признаваясь в этой своей страсти: "Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего".[2]

В суровые и трудные годы гражданской войны, когда Владимир Ильич работал с наивысшим напряжением своих духовных и физических сил, такие прогулки служили ему своеобразной разрядкой, они как бы вновь заряжали его бодростью и энергией, с них он возвращался освеженный и готовый к действию. Большего в то грозное время он не мог себе позволить.

Кроме таких прогулок Владимир Ильич был большим любителем езды на велосипеде. Он был очень обрадован, когда родные, знавшие об этом его увлечении, как-то купили и выслали им с Н.К. Крупской по велосипеду. С того времени он с увлечением ездил на

---

[1] В.И.Ленин, Письма к родным, стр.283-284

[2] Там же, стр.288.

велосипеде, особенно, если летом Ульяновым удавалось выбраться в деревню или на дачу. Не оставлял он этого занятия и в городе. В Париже, например, Владимир Ильич каждый день ездил на велосипеде почти через весь город заниматься в Национальную библиотеку. Такие поездки стоили довольно большого напряжения, поскольку движение в Париже и в то время было довольно интенсивное. Однажды Владимир Ильич даже попал под машину и его велосипед пострадал настолько, что был уже вовсе непригоден к дальнейшей эксплуатации. Сам он отделался ушибами. Вообще велосипед доставлял-таки Владимиру Ильичу шишек. В воспоминаниях Бонч-Бруевича, например, есть, довольно неприятный для Владимира Ильича по своим последствиям, эпизод, в котором описывается, какую дань иногда платил Владимир Ильич своему увлечению велосипедом. Владимир Ильич должен был выступить на II съезде заграничной лиги русской революционной социал-демократии с докладом о II съезде РСДРП. Бонч-Бруевич пишет: "Накануне съезда, когда Владимир Ильич ехал на велосипеде со своей квартиры к кому-то из нас, с ним стряслась беда: велосипед попал в рельсы трамвая, и Владимир Ильич на полном ходу упал, сильно ушибся, причем ударился лицом о камень, рассек бровь, подбил и даже несколько повредил глаз, сильно зашиб руку и бок. Он кое-как добрался до врача, который оказал ему помощь. С некоторым опозданием с повязкой на глазу пришел он на съезд".[I]

Но, несмотря на такие, подчас довольно серьезные, курьезы, Владимир Ильич не бросал своего увлечения.

[I] В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.24.

Не менее сильно увлекался Владимир Ильич коньками. Увлечение это пришло к нему еще в детстве и настолько захватило, что даже стало мешать занятиям его в гимназии, но Владимир Ильич, уже в то время обладавший сильным характером, старался ограничивать себя в нем.

Второе "открытие" коньков произошло для него уже в сибирской ссылке и он с увлечением отдавался этому прекрасному спорту. "По случаю наступления зимы я вместо охоты начинаю заниматься коньками: вспомнил старину, и оказалось, что не разучился, хотя не катался уже лет с десяток",[I] - пишет Владимир Ильич в одном из писем к родным. "Теперь у нас явилось новое развлечение - каток, который отвлекает сильно от охоты",[2] - продолжает он в следующем письме. Увлечение коньками скрашивало ссылку, помогало поддерживать бодрое настроение и было отличной гимнастической разминкой. По письмам Владимира Ильича можно судить, что этому увлечению он посвящал значительную часть своего досуга. "На коньках я катаюсь с превеликим усердием. Глеб (Кржижановский) показал мне в Минусе разные штуки (он хорошо катается), и я учусь им так ретиво, что однажды зашиб руку и не мог два дня писать. Старое умение все же не забывается. А моцион этот куда лучше зимней охоты, когда вязнешь, бывало, выше колен в снегу, портишь ружье и... дичь-то видишь редко!"[3]

Из писем Владимира Ильича видно, что коньками он увлекался урывками и далеко не так постоянно, как велосипедом или, скажем, охотой. И дело тут, видимо, в том, что не всегда были для этого

I В.И.Ленин, Письма..., стр.I27

2 Там же, стр.I33.

3 В.И.Ленин, Письма..., стр.I55.

подходящие условия. Во всяком случае, такой вывод напрашивается из следующего отрывка из письма к матери: "У нас чудесная зимняя погода без снега. Я купил коньки и катаюсь с большим увлечением: Симбирск вспоминаю и Сибирь. За границей никогда не катался".[1] Письмо это написано в 1913 году, а из ссылки Владимир Ильич возвратился в 1900 г.

Коньки - увлечение зимнее, а летом Владимир Ильич, если были подходящие условия, а это случалось довольно часто в его бродячей жизни, был большим любителем купаний. Пловец он был великолепный, судя по воспоминаниям Бонч-Бруевича. У Бонч-Бруевича была дача близ станции Мустамяки, по Финляндской железной дороге, в деревне Нейвола, где проживала его семья. В конце июня 1917 г. Владимир Ильич, почувствовав себя очень утомленным, принял приглашение Бонч-Бруевича и отправился с ним вместе на дачу в Нейвола, чтобы передохнуть несколько дней. Место было очень красивое, рядом большое озеро. Владимир Ильич часто купался в нем. "Несколько раз, - вспоминает Бонч-Бруевич, - я ходил с ним купаться, и так как Владимир Ильич был замечательный пловец, то мне бывало жутко смотреть на него: уплывет далеко-далеко и там где-то ляжет и качается на волнах... Я знал и предупреждал его, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и потому крайне глубокое, что в нем есть водовороты, омуты, что, наконец, в нем тонет много людей и что поэтому надо быть осторожным и не заплывать далеко. Куда там!"[2] Владимир Ильич раздевался и с разбегу бросался в воду, потом

---

[1] В.И.Ленин, Письма..., стр.407

[2] В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания..., стр.99.

долго не показывался на поверхности. Потом вынернет далеко-далеко и давай выделывать всякие штуки. "Играет с водой и двигается, и ныряет, точно он всю жизнь только и делал, что плавал и был на воде. Вдруг опять его нет! Ждешь, ждешь... Нет и нет! И опять плывет еще дальше, голова чуть виднеется ; вот лег на спину, отдохнул, потом сразу перевернулся и зачесал саженками, да какими! Сильными, огромными..."[I]

Нет нужды цитировать дальше и без того видно, с каким азартом отдавался Владимир Ильич удовольствию поплавать и понырять в озере. И уж, конечно, не скажешь об этом человеке, что он "воды боится". Во время своих частых прогулок Владимир Ильич, если представлялся случай, не упускал возможности искупаться и позагорать, о чем частенько упоминает в своих письмах.

Самым любимым увлечением Владимира Ильича была охота. Охота - увлечение, которым можно отводить душу в любое время года. Еще в юношеские годы Владимир Ильич пристрастился к этому занятию. Вспоминая это время, его брат Дмитрий Ильич пишет: "Ильич не любил рыбной ловли, а охоту признавал только тогда, когда она соединялась с хорошей прогулкой. Поэтому на охоту в алакаевский период мы ходили с ним в соседние леса, главным образом за тетеревами".[2]

По-настоящему Владимир Ильич отводил душу на охоте, будучи в сибирской ссылке. Не успев еще как следует обжиться в Шушенском, он уже успел присмотреться к здешним охотникам и частенько

I В.Д.Богч-Бруевич, Воспоминания..., стр.I00

2 Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.I00

делал с ними вылазки. В одном из писем к матери он просит прислать ему чертовой кожи на штаны и лайковые перчатки для защиты рук от комаров. В другом просит брата Дмитрия присмотреть ему хорошее ружье.

"Охотой я все еще продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна (на зайцев, тетеревов, куропаток - новая еще для меня охота, и я потому должен еще привыкнуть), но не менее приятна. Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходим большей частью с Проминским; беру хозяйскую собаку, которую я приучил ходить с собой и которая имеет некоторые (небольшие, правда) охотничьи способности",[I] - описывает Владимир Ильич в одном из писем свои охотничьи успехи.

"Владимир Ильич, - вспоминает Н.К.Крупская, - был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по дальним просекам. Владимир Ильич говорит: "Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести". Выбегает заяц, Владимир Ильич палит".[2]

В сибирской ссылке Владимир Ильич прошел настоящую школу охотничьего искусства, и уже потом, после революции, не раз поражал знанием повадок многих птиц даже бывалых охотников. Шофер Владимира Ильича, С.К.Гиль, который часто сопровождал его на охоте, пишет, что Владимир Ильич был отличным охотником и понимал все тонкости охотничьего искусства. Он хорошо знал, как следует подходить к тому или другому зверю или птице, как прибли-

---

I В.И.Ленин, Письма..., стр.63

2 Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.33.

зиться к ним, в какой момент стрелять и когда пускать собаку. Он умел по солнцу определять направление и никогда не пользовался компасом. В незнакомой лесистой местности Ленин ориентировался по деревьям, как заправский охотник".[I] По свидетельству того же Гиля, на охоте Владимир Ильич не гнался за добычей. Он любил самый процесс охоты, длительные переходы, лес, воздух. Добыча была для него не целью охоты, а результатом. Нередко он поручал Гилю отдавать всю добычу знакомым, товарищам по работе. "Однажды, - вспоминает Гиль. - на охоте произошел такой случай. Владимир Ильич тихо пробирался по густому лесу, держа ружье наперевес. Неожиданно навстречу медленно, спокойно вышла лиса. Это было очень красивое животное, с пушистым яркозолотистым мехом. Владимир Ильич, пораженный красотой лисицы, замер. Он не выстрелил, хотя лисица прошла очень близко и медленно".[2]

Если охота была с ночевкой, Владимир Ильич любил спать на сеновале, устроившись на душистом сене, при этом он не признавал никаких подушек и подстилок. Укрывался, как правило своим пальто, а утром с удовольствием шел ополоснуться студеной водой к колодцу или к реке. Из таких поездок он возвращался обновленный и бодрый.

Любил Владимир Ильич и шахматы. Играть начал еще в детстве. Его первым учителем был отец, который сам страстно любил эту захватывающую игру. Шахматы в семье Ульяновых были в большом почете, наравне с музыкой. Все дети часто проводили свой досуг

I С.К.Гиль, Шесть лет..., стр.60

2 ~~С.К.Гиль, Шесть лет..., стр.6I~~
Там же, стр.6I

за этой игрой. Владимир Ильич играл с отцом, со старшим братом Александром, а потом и с меньшими - сестрой Ольгой и братом Дмитрием. "Для меня, - вспоминает Дмитрий Ильич, - Владимир Ильич был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно".[I]

В шахматы Владимир Ильич играл очень серьезно и не любил так называемых "легких" партий. У него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения ; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника.

Первое время Владимир Ильич проигрывал отцу, но потом они с братом Александром Ильичем раздобыли руководство по шахматной игре и вскоре стали обыгрывать отца. С Александром Ильичем Владимир Ильич играл очень часто, но у них было правило: играть только по вечерам, когда оба были свободны от занятий. С каждым годом оба совершенствовались в этой игре и считались неплохими игроками.

Однажды Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильным самарским шахматистом А.Н.Хардиным. Ходы передавались открытками по почте. А.Н.Хардин был в то время довольно крупной шахматной величиной в России. Одно время с большим успехом состязался с Чигориным. Хотя Хардин и не выступал на больших турнирах, Чигорин считал его одним из

I Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.103.

лучших шахматистов в России. Владимир Ильич партию по переписке проиграл. Вскоре ему удалось познакомиться с Хардиным лично и тот давал ему первое время коня вперед. Когда Владимир Ильич стал побеждать, они перешли на пешку и ход. При таком соотношении Владимир Ильич чаще проигрывал.[I]

Находясь в ссылке, Владимир Ильич частенько отдавал дань этому увлечению молодости. В одном из писем к матери он просит: "Пришли мне одну из наших партий шахматов: оказалось, что в Минусинске есть партнеры среди товарищей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старинку".[2] "Ваша партия в шахматы пришла очень кстати. У нас как раз гостили минусинцы, которые теперь сильно увлеклись шахматами, так что мы сражались с превеликим усердием. Разобрали и Вашу партию. Судя по ней, Вы стали играть гораздо лучше. Вероятно, довольно долго обдумывали каждый ход и (может быть) пользовались консультацией соседей? А то ведь теперь страшно, пожалуй, и сражаться было бы с человеком, который победил Ласкера!"[3] - пишет Владимир Ильич мужу своей сестры М.Т.Елизарову.

П.Н.Лепешинский, отбывавший ссылку вместе с Владимиром Ильичем, вспоминает, что ему часто приходилось играть с Владимиром Ильичем и он (Лепешинский) большей частью проигрывал.

В эмиграции Владимир Ильич иногда садился за шахматы, но уже реже. Он всегда относился к шахматной игре как в развлеченью, при котором надо основательно напрягать мозг, а в то время мозг

I Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.I07

2 В.И.Ленин, Письма..., стр.96

3 Там же, стр.I69.

его и так частенько был перегружен. Но, если ему удавалось вырваться на "каникулы", он с удовольствием коротал иногда время за этой игрой. Вспоминая о пребывании В.И.Ленина на Капри, Горький пишет: "Он азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски".[I]

После революции Владимир Ильич почти совершенно не играл в шахматы, говоря, что это слишком утомительно; он предпочитал в свободное время городки, прогулки, охоту.

Во время эмиграции Владимиру Ильичу доводилось жить во многих крупных городах Европы: в Мюнхене, Лондоне, Париже, Женеве и др. Всюду он стремился познакомиться с городом, изучить его окрестности, присмотреться к тамошней жизни, познать его обычаи и нравы. С неистребимым интересом он всматривался в жизнь больших городов, отмечая про себя их достоинства и недостатки. В Женеве, например, ему нравилось культурное обслуживание, в Париже - демократичность тамошней жизни, Лондон поразил его своей грандиозностью. В одном из писем к матери он пишет: "Берлином пока доволен... По вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи.. Берлинские достопримечательности посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т.п."[2]

I А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.250

2 В.И.Ленин, Письма..., стр.I4.

По свидетельству Н.К.Крупской, "в музее древности через IO минут Владимир Ильич начинал испытывать необычайную усталость... Я помню только один музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти - это музей революции I848 г. в Париже, где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок".[I]

Любил Владимир Ильич еще наблюдать быт. Куда только ни забирался он в Мюнхене, Лондоне, Париже. Он любил вычитывать объявления о разных собраниях социалистов в пригородах, в маленьких кафе, в английских церквах. Он хотел видеть жизнь немецкого, английского, французского рабочего, слышать, как он говорит не на больших собраниях, а в кругу близких товарищей, о чем он думает, чем он живет. Владимира Ильича всегда тянуло в рабочую толпу. Он шел всюду, где была эта толпа, - на прогулку, где усталые рабочие, выбравшись за город, часами валялись на траве, в бар, в читалку. Шел в народный ресторанчик, в церковь. В газетах он отыскивал объявления о рабочих собраниях в глухих кварталах, где не было парада, не было лидеров, а были рабочие от станка. На собраниях Владимир Ильич внимательно слушал и потом говорил: "Из них социализм так и прет! Докладчик пошлости разводит, а выступит рабочий, - сразу быка за рога берет, самую суть капиталистического строя вскрывает".[2] Пытливое изучение жизни давало чрезвычайно богатую пищу острому уму Владимира Ильича. В правильной оценке им тех или иных событий подобные наблюдения, помогающие ему глубже понять психологию рабочего человека, играли далеко не последнюю роль.

I Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.60.

2 Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.6I
Там же, стр.6I

Многие представляют Владимира Ильича человеком, который, кроме своей политической деятельности, ничего не хотел знать. Это далеко не так. Правильно, что большую часть своей жизни он провел за работой, в которой видел средство к достижению великой цели: полному освобождению трудящихся всего мира от пут капиталистического рабства, но "он не был аскетом, любил и на коньках кататься, и на велосипеде гонять, и по горам лазить, и на охоту ходить, любил музыку, любил жизнь во всей ее многогранной красоте, любил товарищей, любил людей. Но все у него было подчинено одному - борьбе за жизнь для всех светлую, просвещенную, полную содержания, радости".[I] Больше всего его радовали успехи в этой борьбе. Личное у него сливалось само собой с его общественной деятельностью.

I Н.К.Крупская, Наш самый лучший друг, Петрозаводск, 1969, стр.143.

ГЛАВА У

ИСКУССТВО В ЖИЗНИ В.И.ЛЕНИНА

Музыка вошла в жизнь Ленина с самого раннего детства, когда он слушал игру на рояле и пение матери, Марии Александровны, прекрасного, одухотворенного музыканта. Мария Александровна стремилась привить детям любовь к музыке, помогала разбираться в ней. По вечерам, после трудового дня, она обычно садилась за рояль. Засыпая, дети слышали мягкий голос матери, исполнявшей песни и арии.

Особенно полюбились всей семье мелодии из оперы Верстовского "Аскольдова могила". На рояле часто появлялся старый, пожелтевший клавир этой оперы. Двоюродный брат Ленина Н.И.Веретенников описывает в своих воспоминаниях домашние музыкальные вечера Ульяновых в деревне, где семья не раз проводила лето. "В ненастные дни в Кокушкине, под монотонный шум дождя, собрав у рояля в кружок ребят, тетя Маша образно рассказывала содержание оперы Верстовского "Аскольдова могила", дополняя рассказ музыкой и пением... Володя и Оля, музыкальные по натуре, внимательно вслушиваются в музыку и пение. Маленький Митя, всецело поглощенный фабулой, не сводит своих разгоревшихся карих глаз с тети Маши... мы все сидим затихшие, притаившиеся, завороженные".[I]

Так приятна была эта музыкальная атмосфера, что, подрастая, дети иногда даже готовили уроки под музыку и пение Марии Александровны. Дети Ульяновых обучались игре на рояле. У Володи

[I] Н.И.Веретенников, Володя Ульянов, Воспоминания о детских и юношеских годах В.И.Ленина в Кокушкине, М., 1957, стр.29.

оказался превосходный слух. В восемь лет он живо исполнял детские фортепьянные пьесы, охотно играл в четыре руки со взрослыми. Однако уроки музыки вскоре прекратились.

Впоследствии Владимир Ильич жалел, что забросил рояль. Но и оставив игру на фортепьяно, он не расставался с музыкой. В гимназии Володя Ульянов был неизменным организатором ученических вечеров. Он умел найти среди своих соучеников одаренных людей, расшевелить их, привлечь к участию в концерте, заботился, чтобы программа была интересной и содержательной.

Были знакомы Владимиру Ильичу в детские годы и народные песни. В Кокушкине они слышались повсюду. Рабочие, сооружавшие плотину, запевали "Дубинушку".

На всю жизнь запали в душу Владимира Ильича услышанные в детстве замечательные песни, связанные с жизнью трудового народа. Пройдет много лет, и, знакомясь со сборниками русских крестьянских песен, Владимир Ильич скажет: "Какой интересный материал! Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни..."[I]

В школьные годы Владимир Ильич узнавал революционные песни вместе с запрещенной литературой от товарищей по гимназии. Иногда гимназисты гурьбой уходили на берег реки, и здесь Ленин распевал с друзьями "Дубинушку", "Назови мне такую обитель", "Ночь темна, лови минуты".

[I] В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.418.

Сестра Ольга, почти ровесница и близкий друг Владимира Ильича, училась в музыкальной школе Орлова-Соколовского, известного в Казани дирижера и педагога. Она стала хорошей пианисткой. Прислушиваясь к ее ежедневным упражнениям, Владимир Ильич говаривал: "Вот чьей работоспособности можно позавидовать!"[I] Брат с сестрой часто музицировали вместе. Небольшим, несколько глуховатым баритоном Владимир Ильич пел песни, романсы и даже оперные арии, а Ольга Ильинична аккомпанировала. В репертуаре молодых Ульяновых были романсы и песни, бытовавшие среди революционной молодежи.

Старший брат Ленина Александр Ульянов очень любил песню "Замучен тяжелой неволей". Она также была любимой песней Ленина, возможно потому, что в его сознании она неразрывно слилась с образом героически погибшего брата. Любил Владимир Ильич "Свадьбу" Даргомыжского:

"Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!"

Часто молодые Ульяновы пели дуэтом песню Языкова "Нелюдимо наше море". "Но туда выносят волны только сильного душой", - увлеченно распевал Володя Ульянов. В музыке, как и в жизни, его влекли образы отваги и борьбы.

Вместе с ростом пролетарского движения в России стала развиваться рабочая революционная песня. Появились боевые пролетарские гимны "Варшавянка", "Смело товарищи в ногу", "Красное

I Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.14.

Знамя". Песня была действенным средством политической борьбы, она верно служила делу партии. Песня обращалась ко всем рабочим и была понятна каждому, даже неграмотному, просто и сжато указывая путь освобождения. Она сплачивала людей, создавала высокий подъем духа. Рабочие жадно тянулись к революционным песням. Они заучивали их, переписывали друг у друга.

Высоко ценил рабочую революционную песню Ленин. Став зрелым борцом, профессиональным революционером, создателем и вождем марксистской партии, он пронес через долгие годы подпольной революционной работы, ссылки и эмиграции любовь к пролетарским песням борьбы.

Будучи в ссылке, Владимир Ильич особенно полюбил песни, поднимающие дух, скрепляющие коллектив. В Шушенском оказался ссыльный лодзинской рабочий, социал-демократ Проминский, которы, по воспоминаниям Крупской, очень хорошо пел польские революционные песни... Дети подпевали ему, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири".[I]

В Сибири отбывал ссылку В.В.Старков, большой любитель хорового пения. "Он был до некоторой степени знатоком пения, - пишет П.Н.Лепешинский, - и являлся у нас в Бутырской и Красноярской тюрьме бесспорным обладателем дирижерской палочки. Под его компетентным руководством, следуя за его маленьким, но приятным баритоном, мы разучивали на многоголосый лад революционные мотивы".[2] "Из членов нашей ссыльной колонии был создан хор, - дополняет рассказ О.Б.Лепешинская. - Особую страстность в наши

I Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.28.

2 П.Н.Лепешинский, На повороте, М., 1955, стр.73.

вокальные увлечения вносил Владимир Ильич. Он участвовал в разучивании революционных песен".[I]

Из ссылки Владимир Ильич просит родных выслать ноты для Г.М. Кржижановского: "Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом. Но у него не имеется нот".[2] Посылка с нотами задерживается, так как сестры не знают, какой голос у Кржижановского. В следующем письме Ленин пытается это уточнить: "Какой у Глеба голос? Гм, гм! Должно быть, баритон - что ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком "кричали" (как няня выражалась)".[3]

В Сибири Ленин встретился с польскими революционерами. От них он услышал новые песни, не известные в России. Ленин мечтал о появлении таких песен, более близких по духу пролетарскому революционному движению, - песен бодрых, зовущих, жизнеутверждающих. В музыке польских революционных песен звучали непреклонность, оптимизм. Поэтому-то они сразу завоевали любовь Ильича. Вскоре новые песни стали боевыми гимнами русского пролетариата. В 1897 г. вместе с польскими рабочими в Бутырской тюрьме оказался Г.М.Кржижановский, осужденный за революционную деятельность на ссылку в Сибирь. Здесь он впервые услышал "Варшавянку". Ее пели на незнакомом языке, но сила и красота напева пленили его. Польские друзья перевели ему содержание песни, и Кржижановский создал русский текст "Варшавянки". В русском варианте песня

I О.Б.Лепешинская, Встречи с Ильичем, Воспоминания..., т.I, стр.167.

2 В.И.Ленин, Письма..., стр.76-77.

3 Там же, стр.84.

наполнилась более ясным пролетарским революционным содержанием.

"Варшавянка" стала одной из самых любимых песен Ленина. Она была вместе с ним в подполье, ссылке, эмиграции. Она встретила его и по возвращении в Россию. Ночью 3 апреля 1917 г., когда Ленин, окруженный во дворце Кшесинской своими испытанными товарищами, предложил спеть хором, - все единодушно запели "Варшавянку".

В Сибири Г.М.Кржижановский сделал перевод и другой, украинской революционной песни - "Беснуйтесь, тираны!" Эту суровую, решительную песню львовского студенчества особенно любил петь Владимир Ильич. Пел он и переведенную на русский язык польскую песню "Червоный штандар" ("Красное знамя"). Вернувшись из ссылки, Владимир Ильич стал горячо пропагандировать польские песни.

Под воздействием марксистских взглядов в среде русских социал-демократов стали возникать свои революционные песни. Так, в 1898 г. в Шушенское пришла новая русская революционная песня "Смело, товарищи, в ногу". Этот вдохновенный пролетарский марш сложил узник одиночной камеры Таганской тюрьмы Л.П.Радин. В Сибирь новую песню привез соратник Ленина по "Союзу борьбы" Ф.В.Ленчник. Владимиру Ильичу очень полюбилась эта песня.

"Ильича хлебом не корми, а только подавай ему это самое: "Смело, товарищи, в ногу" или "Вихри враждебные". При этом сам он - основной элемент хора и очень темпераментный дирижер. Его баритон с хриповатыми нотками покрывает все остальные голоса, а руки, энергично сжатые в кулаки, размашистыми движениями во все стороны играют роль дирижерской палочки. И сколько огня, сколько революционного огня он вкладывает каждый раз все в те же незатейливые слова:

И водрузил над землею
Братское знамя труда".[I]

Любовь к революционной песне Владимир Ильич сохранил и в трудные годы эмиграции. В среде русских эмигрантов постоянно звучала дружная песня, и здесь Ильич был первым запевалой.

"Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение, - рассказывает о годах эмиграции М.М.Эссен. - Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен - "Интернационала", "Марсельезы", "Варшавянки" и других. С большим чувством пели "Замучен тяжелой неволей", "На старом кургане в широкой степи". Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири - "Ревела буря", "Славное море, священный Байкал" и песнь о Степане Разине "Есть на Волге утес..." Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни!"[2]

Вдали от родины песня была особенно дорога русским революционерам. В ней можно было высказать чувства и думы, объединяющие всех - и рядовых бойцов и боевой штаб революции. Поэтому такой глубокий смысл приобретало пение революционных песен Лениным и его соратниками в далекой эмиграции.

Не только русские песни привлекали Ленина в эмиграции. В чужих краях, как и на родине, он искал сближения с народными массами, с любовью прислушивался к их песням. Н.К.Крупская рассказывает, что однажды, услышав от француженки-уборщицы вольнолю-

---

I П.А.Лепешинский, На рубеже..., Воспоминания..., т.2, стр.I89.

2 М.М.Эссен, Встречи с Лениным, Воспоминания..., т.2, стр.250.

бивую эльзасскую песню, Владимир Ильич попросил ее повторить слова и напев и потом часто пел сам: "Вы взяли Эльзас и Лотарингию, но вопреки вам мы эстаемся французами ; вы могли онемечить наши поля, но наше сердце - вы никогда не будете его иметь".[I]

Живя в Париже, Владимир Ильич с удовольствием посещал скромные загородные театрики, где рабочая публика слушала задорные боевые и обличительные песни в исполнении шансонье. В то время в театрах и кабачках парижских окраин выступал замечательный шансонье, исполнитель сатирических и революционных песен Монтегюс, сын парижского коммунара. Монтегюс сам сочинял свои хлесткие куплеты, направленные против фабрикантов, генералов, домовладельцев. Владимиру Ильичу очень нравились смелые песни и остроумные куплеты Монтегюса. Он выискивал в газетах объявления о его концертах, а затем находил при помощи карты Парижа пригородные театры и кабачки, где выступал артист. Монтегюса, одетого в простое кепи и дырявую блузу с поясом из красной фланели, рабочие радушно встречали как своего. Особенной популярностью пользовалась тогда песня Монтегюса."Слава I7-му полку". Это была песня о солдатах, отказавшихся стрелять в стачечников.

Однажды по совету Ленина был устроен концерт Монтегюса в пользу русской революции. Собравшиеся восторженно принимали замечательного артиста. Больше всех аплодировал Владимир Ильич. После концерта Ленина увидели оживленно беседующим с Монтегюсом. Вождь русской революции и певец рабочих Парижа вместе мечтали о мировой революции.

I Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.I94

Из зарубежных революционных песен более всего Ленин любил "Интернационал", родившийся во Франции и ставший затем международным рабочим гимном. На русский язык "Интернационал" перевел русский инженер, автор революционных стихов А.Я.Коц. Песня была подхвачена рабочими России, стала боевым гимном русской революции.

Ленин неустанно заботился об издании революционных песен, об их широком распространении среди рабочих. Еще в 1902 г. ленинская "Искра" выпустила в Женеве сборник "Песни революции". Это был первый сборник революционных песен с нотами. Впоследствии революционные песни печатались во всех большевистских газетах, руководимых Лениным.

Любя песню, Владимир Ильич далеко не ограничивался ею. Он с большим удовольствием слушал классическую музыку, глубоко и тонко понимал ее. У Ленина часто устраивались музыкальные вечера в тесном кругу товарищей по партии. В ссылке и в эмиграции, в дни партийных съездов в разных городах мира - везде Владимир Ильич умел создавать чудесную музыкальную среду.

Импровизированные концерты входили в быт большевиков-эмигрантов. Собирались вместе - чаще всего у Ленина или в каком-нибудь обжитом кафе. В Женеве своеобразным клубом большевиков-эмигрантов служила столовая Лепешинских. Музыке здесь отводилось почетное место. Специально для этой цели в столовой находилось взятое напрокат пианино. Собрания, диспуты незаметно, как бы сами собой завершались музыкой. Как сближали, утешали бодрили эти встречи! Сначала пели все вместе, а затем наступала очередь солистов.[I]

[I] П.Н.Лепешинский, На повороте, стр.110.

Среди боевых соратников Ленина было немало хороших музыкантов. Прекрасно пел С.И.Гусев, играли на рояле Л.А.Фотиева, В.В. Воровский, Иннеса Арманд. Был и свой скрипач П.А.Красиков, хорошо исполнявший популярные скрипичные пьесы: "Серенаду" Брага, "Каватину" Раффа. Красиков никогда не расставался со своим инструментом. Даже нелегально перебираясь через границу, он взамен самых необходимых вещей брал с собой футляр со скрипкой. П.Н.Лепешинский вспоминает: "Когда П.А.Красиков вытягивал смычком из своей скрипки чистые прекрасные звуки баркаролы Чайковского, Владимир Ильич первый, по окончании игры, бурно аплодировал и требовал во что бы то ни стало повторения".[1]

Н.К.Крупская вспоминает, что в Брюсселе, где начал свою работу П съезд партии, "делегаты шумным лагерем расположились в... "Золотом петухе", а Гусев, хватив рюмочку коньяку, таким могучим голосом пел по вечерам оперные арии, что под окнами отеля собиралась толпа (Владимир Ильич очень любил пение Гусева, особенно "Нас венчали не в церкви").[2]

В Стокгольме в дни IУ съезда партии большевики собирались ежедневно. "Почти каждая наша беседа кончалась просьбой Владимира Ильича: "Сергей Иванович, ну, а теперь спойте что-нибудь, очень вас все просим".[3] Делегат от Москвы Гусев садился к роялю и запевал.

"Товарищ Гусев обладал очень недурным, довольно мощным и сочным баритоном, - рассказывает Лепешинский, - и когда он красиво отчеканивал "Нас не в церк-ви вен-ча-ли", вся наша семейно-

---

1. П.Н.Лепешинский, На повороте, стр.III
2. Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.76
3. К.Т.Свердлова, Таким был Ленин, Воспоминания..., т.I,стр.334

большевистская аудитория слушала его, затаив дыхание, а Владимир Ильич, откинувшись на спинку дивана и охватив руками колено, весь уходил при этом внутрь самого себя и, видимо, переживал какие-то глубокие, одному ему ведомые настроения".[I]

Своими впечатлениями о музыке Владимир Ильич спешил поделиться с матерью: ведь они ей были особенно близки.

Например, из Мюнхена в 1901 г. он писал Марии Александровне: "Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением "Жидовку": я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский), лет, должно быть 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти. Музыка и пение хорошие".[2]

В Париже Владимир Ильич и Надежда Константиновна специально ходили в театр и с нетерпением ждали антракта: в антрактах, как пишет Крупская, "была чудесная музыка: Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина".[3]

Владимир Ильич обращался к музыке не только в минуты высокого душевного подъема, но и в самые тяжелые времена. В 1907 г. Ленин находился в Финляндии "в ближней эмиграции". Революция была подавлена, в стране царила реакция. Владимир Ильич был измучен до предела, избегал лишних встреч, разговоров, от усталости засыпал на ходу. Но рядом на даче жила певица с чудесным голосом и, по словам Н.К.Крупской, "Ильич слушал с наслаждением ее пение".[4]

I П.Н. Лепешинский, На повороте, стр.110.

2 В.И.Ленин, Письма..., стр.243

3 Там же стр. 516

~~В.И.Ленин, Письма..., стр.516~~

4 Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.136.

Друг семьи Ленина и товарищ по партии Инесса Арманд была талантливой пианисткой. Она увлекала друзей на интересные концерты и сама по просьбе Владимира Ильича часто играла для него. В 1915 г. Ленин жил в Швейцарии, Зёренберге и, как обычно, по утрам занимался в своем углу сада. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималась под звуки доносившейся музыки", - вспоминает Крупская.[1]

Усаживаясь по просьбе Владимира Ильича за рояль, Инесса Арманд, уже не спрашивая, начинала играть Бетховена. Особенно хорошо выходила у нее Патетическая соната. Ленин слушал ее бесконечно много раз.

Л.А.Фотиева передает эпизод из времен женевской эмиграции:

"Из фортепьянных произведений, исполняемых мною, Владимир Ильич больше всего любил слушать Патетическую сонату Бетховена..." Однажды, прослушав эту сонату, Владимир Ильич подошел ко мне и сказал: "Вам надо учиться". Эти слова поразили меня. "Значит, можно?!" - подумала я. В ранней юности увлекаясь сочинениями Писарева, я вычитала у него такую фразу: "Общество, которое занимается искусством, имея хотя бы одного неграмотного, похоже на дикаря, который ходит голым и носит золотые браслеты на руках (привожу по памяти). Это произвело на меня неизгладимое впечатление, и, перейдя с отличием на старший курс консерватории, где я тогда училась, я вышла из нее и поступила на Бестужевские курсы. И вдруг - кто же?! - Ленин сказал: "Вам надо учиться..."[2]

---

[1] Там же, стр.263.

[2] Л.А.Фотиева, Встречи с В.И.Лениным в Женеве и Париже, Воспоминания..., т.2, стр.147.

Слова Владимира Ильича, его преклонение перед гениальной музыкой Бетховена произвели переворот в душе молодой революционерки: музыка, оказывается, не чужда и борцам революции.

В эмиграции музыка была для Ленина большим душевным отдыхом. Но после Октября, всецело отдавшись строительству Советского государства, он ограничивал себя во всем, что могло захватить его и в какой-то мере отвлечь от работы.

В 1913 году в Швейцарии в студенческом концерте выступал русский большевик М.С.Кедров. Владимир Ильич похвалил его игру на рояле и обещал зайти к нему как-нибудь послушать музыку. Кедров принял, было, его слова за обычную любезность. Однако Ленин действительно пришел, и целый вечер Кедров играл для него. Пианист заметил, что не все произведения доставляют Ленину удовольствие. Охотно слушал Владимир Ильич прелюдии Шопена, "Лесного царя" и "Приют" Шуберта-Листа, но явно не любил громогласно-эффектной и поверхностной музыки. Не нравились ему и сладко-чувствительные "Песни без слов" Мендельсона. Зато он весь преображался, слушая Бетховена. Ленин ценил в его творчестве выражение мужества, борьбы, больших человеческих чувств. Героическая музыка Бетховена была созвучна сердцу великого борца революции. Кедров играл сонаты, переложения увертюр Бетховена "Эгмонт" и "Кориолан" и по просьбе Ленина снова и снова возвращался к "Аппасионате".[I]

Несколько раз Владимир Ильич появлялся у Кедрова и слушал музыку, сидя на балкончике и глядя вдаль, на снежные вершины

[I] М.С.Кедров, Из красной тетради об Ильиче, Воспоминания..., т.I, стр.415.

Альп. Эти прекрасные часы запомнились Ленину. Когда в 1919 году Кедров - тогда один из руководителей военной организации большевиков - явился в Кремль с докладом, Владимир Ильич спросил, занимается ли он музыкой, и задумчиво заметил: "Хотелось бы мне вас послушать".[1]

Кедрову никогда больше не пришлось играть в присутствии Ленина.

В последние годы жизни Владимир Ильич редко бывал на концертах, мешала его огромная занятость. Иногда они с Крупской все-таки выбирались послушать хорошую музыку. Крупская вспоминает, что он "очень любил слушать музыку, но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Как правило, уходил после первого действия как больной".[2]

Однажды, слушая "Аппасионату" в исполнении Исая Добровейн на квартире Е.П.Пешковой, Владимир Ильич, потрясенный этой музыкой, сказал Горькому: "Ничего не знаю лучше "Аппасионаты", готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!"[3]

Изредка Владимир Ильич посещал театр, но за границей редко удавалось попасть на хороший спектакль, и они с Надеждой Константиновкой подчас уходили из театра с первого действия. Если же пьеса захватывала Владимира Ильича, то ему хотелось посмотреть

---

1 М.С.Кедров, Из красной тетради об Ильиче, Воспоминания..., т.I, стр.415.

2 Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.483

3 А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.265.

ее еще раз. "Приехала как-то в Берн русская труппа, - читаем у Крупской, - игравшая на немецком языке ; ставили пьесу Л.Толстого "Живой труп". Мы тоже пошли. Играли очень хорошо. Ильича, который ненавидел до глубины души всякое мещанство, условность, эта пьеса чрезвычайно разволновала. Потом он хотел еще раз пойти ее смотреть".[I]

Старый большевик М.Лядов рассказывает: "Помню Ильича на спектакле Сары Бернар в Женеве: мы сидели рядом в ложе, и я был очень удивлен, увидав вдруг, что Ильич украдкой вытирает слезы. "Жестокий" Ильич плакал над "Дамой с камелиями".[2]

Владимиру Ильичу очень понравился художественный театр, в котором он был еще до эмиграции. В письме к матери в феврале I90I г. он пишет, что "до сих пор вспоминает с удовольствием" это свое посещение. "Хотелось бы в русский художественный, посмотреть "На дне",[3]- читаем в письме от 4 февраля I909 г. Посмотреть "На дне" Ленину удалось уже после революции.

Таков был Ленин. Его трогала простая песня, он от души хохотал, слушая веселый острый куплет, и он глубоко проникался великими произведениями искусства.

Не меньшее место, чем музыка, в жизни Владимира Ильича занимала художественная литература. Он очень хорошо знал и ценил таких выдающихся мастеров художественного слова, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Толстой, Чернышевский и др. В своих политических работах Владимир Ильич очень часто использовал

I Н.К.Крупская, Воспоминания о В.И.Ленине, стр.266.

2 М.Лядов, Он прежде всего - человек, сб.Вечно живой, стр.I2

3 В.И.Ленин, Письма..., стр.278.

художественные образы из русской классической литературы. Больше всего он ценил в художественных произведениях идейную направленность, и потому так уважал и любил Некрасова, которого почти всего знал наизусть. М.М.Эссен вспоминает: "Как-то он спросил меня, знаю ли я наизусть поэму "Русские женщины". Я ответила: знаю, но никогда не могу прочесть ее вслух, душат слезы. "Вот в этом и сила художника, - сказал Ленин, - берет за живое".

Особенно увлекался Владимир Ильич Н.Г.Чернышевским, которого считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова. "Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет. Я роман "Что делать?" перечитал за одно лето пять раз, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли", - говорил Ленин.

Он очень любил весь облик Н.Г.Чернышевского, и в его альбоме были две карточки этого писателя, одна надписанная рукой Ленина, - год рождения и смерти. После Октябрьской революции Владимир Ильич хлопотал об открытии памятнику Чернышевскому на его родине в Саратове, а одно из постановлений Совнаркома за подписью Ленина гласит:

Совет Народных Комиссаров от 25 октября 1920 г. постановил:

I. Назначить сыну Николая Гавриловича Чернышевского Михаилу Николаевичу Чернышевскому пожизненную пенсию в размере 20000 руб. в месяц и три продовольственных пайка в размере красноармейских тыловых.

2. Предложить Саратовскому губисполкому произвести срочный ремонт дома Чернышевского, в коем помещается музей имени Н.Г.Чернышевского и квартира его сына, М.Н.Чернышевского, и принять меры к охране его и поддержанию в полной неисправности.

В.Ульянов (Ленин)[1]

Будучи страстным любителем природы, Владимир Ильич любил перечитывать И.С.Тургенева, в творчестве которого картины русской природы описаны очень ярко и с большой любовью. В одном из писем к родным он просит выписать для него "полное собрание сочинений Тургенева, обещанное "Нивой" в премию, в 12 томах... Если Тургенев будет издан сносно (т.е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать".[2]

Читал Владимир Ильич много. Особенно пристрастился к художественной литературе в ссылке и в тюрьме. Н.К.Крупская вспоминает: "Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь... Помнится, в Сибири был также "Фауст" Гёте на немецком языке и томик стихов Гейне".[3] В тюрьме чтение художественной литературы практиковалось им еще и с целью перемены занятий, чтобы дать отдохнуть голове, как того требовал заведенный им режим.

В эмиграции также вечерние часы частенько посвящались разговорам о литературе и искусстве. "Иногда на вечерах декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже", - вспоминает М.М.Эссен.[4]

---

1 Ленин - товарищ, человек, стр.60

2 В.И.Ленин, Письма..., стр.91.

3 Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.192-193

4 М.М.Эссен, Встречи с Лениным, Воспоминания..., т.2 стр.116.

Иногда после таких декламаций разгорались жаркие дискуссии о творчестве того или иного писателя или композитора, о литературе и ее задачах, о назначении искусства. Для Ленина революционная борьба партии была не только борьбой за хлеб, за мир, за свободу угнетенных, но и за духовную культуру, за подлинно народное искусство. Слушая музыку или рассматривая картины, Ленин воспринимал их как бы с точки зрения будущего зрителя и слушателя из народа. Поэтому в этих спорах он всегда подходил к искусству с точки зрения его полезности для широких масс простого народа. Отмечая великое значение искусства в жизни человека, Ленин к слову "искусство" обязательно прибавлял "хорошее", "полезное", имея в виду прежде всего широкие народные массы.

В.Д.Бонч-Бруевич заметил, что, посещая картинные галереи, Владимир Ильич всегда останавливался на картинах, наиболее интересных по содержанию и мастерству выполнения, и говорил: "Все это мы должны дать широким массам".[1]

Из современных ему писателей Владимир Ильич особенно выделял А.М.Горького. С Горьким его связывала большая личная дружба. Алексея Максимовича Горького Владимир Ильич любил как человека, к которому почувствовал близость на Лондонском съезде, любил как художника, считал, что как художник Горький многое может понять с полуслова. С Горьким Ленин всегда говорил особенно откровенно. "Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и заботливого друга",[2] - признавал сам А.М.Горький. Ленин всегда следил за тем, что выходило из под пера Горького. Известно,

---

1 В.Д.Бонч-Бруевич, Ленин в Петрограде и Москве, М., 1957, стр.37.

2 А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.268.

какую высокую оценку дал Ленин роману Горького "Мать". Эта удивительная тяга к Горькому не мешала Ленину порой резко и сурово отчитывать его, когда Горький, поддаваясь хныканью буржуазных интеллигентов, поворачивался спиной к пролетарскому движению. "Что касается Ваших настроений, то "понимать" я их понимаю (раз Вы заговорили о том, пойму ли я Вас). Не раз и на Капри и после я Вам говорил: Вы даете себя окружить именно худшим элементам буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканья. Вопль сотен интеллигентов по поводу "ужасного" ареста на несколько недель Вы слышите и слушаете, а голоса массы, миллионов, рабочих и крестьян, коим угрожает Деникин, Колчак, Иванозов, Родзянко, красногорские (и другие кадетские) заговорщики, этого голоса Вы не слышите и не слушаете... Ей-ей, погибните, ежели из этой обстановки буржуазных интеллигентов не вырвитесь! От души желаю поскорее вырваться.

Лучшие приветы !

Ваш Ленин

Ибо Вы ведь не пишите! Тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать - для художника развне не гибель, разве не срам?[I] Не мог Владимир Ильич допустить, чтобы такой огромнейший талант, как Горький, в котором он видел певца пролетарской революции, не служил бы ей самозабвенно и горячо, как это делал он сам. Поэтому так прямо и резко бил за ошибки, за интеллигентскую чувствительность, порой не позволявшую видеть

I. В.И.Ленин и А.М.Горький ; Письма, воспоминания, документы, М., 1969, стр.159-160.

нужды революции, и поэтому же так чутко и бережно относился к самому Горькому, ко всем его просьбам и начинаниям; заботился о его здоровьи так, что порой проверял сам не сыры ли его простыни, есть ли у него дрова и что у него будет к обеду. Не будет преувеличением сказать, что это человеческое отношение Ленина к Горькому уберегло последнего от многих, быть может трагических, ошибок.

Владимир Ильич любил слушать стихи Демьяна Бедного, но нравились ему больше не сатирические его стихи, а те, в которых звучал революционный пафос. Ленин еще до революции очень внимательно относился к творениям Демьяна Бедного и еще из-за границы не раз писал поощрительные письма по его адресу. После революции, когда в "Правде" появились его призывные стихи, полные революционного пафоса, Владимир Ильич сразу понял его значение в предстоящей борьбе. Когда зашла речь о привлечении Демьяна Бедного к административной работе, Владимир Ильич сказал: "Оставьте его. Ему не хочется. А пишет он хорошо. Нам это нужно. Пусть пишет, это будет его революционной работой".[1] Правда, Ленин видел и недостатки Демьяна Бедного. "Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди".[2]

В боевые дни революции, когда на улицах шла пальба, когда телефоны и телеграф только и передавали те или иные ошеломляющие новости с фронтов, Владимир Ильич не изменил своим привычкам читать, интересоваться музыкой, следить за полюбившимися

---

1 В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.426.

2 А.М.Горький, В.И.Ленин, Воспоминания..., т.2, стр.269.

ему писателями. Поражает разнообразие его интересов. Появлялись ли новые изыскания о Гегеле, выходила ли в свет потрясающая книжка Барбюса или бьющая по фронту революции брошюра Каутского, он немедленно, урывками, крайне занятый, между заседаниями и приемами, умудрялся читать их, делая многочисленные выписки. Следил Владимир Ильич и за литературными новинками, хорошо зная, что такое исключительное событие, как революция, не может не отразиться в литературе и искусстве. Ему было интересно знать как воспринимают революцию передовые деятели культуры, как оценили ее, правильно ли поняли те задачи, которые революция поставила перед искусством. И его бесконечно радовали и воодушевляли молодые, способные силы, пришедшие в искусство из гущи рабочих и крестьян. "Из современных вещей, помню, - читаем у Н.К.Крупской, - Ильичу понравился ромал Эренбурга, описывающий войну: "Это знаешь, - Илья Лохматый (кличка Эренбурга), - торжествующе рассказывал он. - Хорошо у него вышло".[1]

"Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть "Потоп". Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр."[2] Из письма А.Г.Воронского к молодой, способной М.Шагинян явствует: "Ваша "Перемена" пользуется большим успехом. Да, забыл: знаете, очень Ваши вещи нравятся тов.Ленину. Он как-то об этом говорил Сталину, а Сталин мне".[3]

В молодежи видит Владимир Ильич продолжателей революционных традиций, поэтому с таким интересом всматривается в нее.

---

1 Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.196

2 Там же, стр.196.

3 М.С.Шагинян, Четыре урока..., стр.6.

В воспоминаниях Н.К.Крупской есть очень интересный эпизод. Как-то захотелось Владимиру Ильичу посмотреть, как живет, чем интересуется молодежь. Отправились они с Крупской навестить дочь Инессы Арманд Варю, которая училась во ВХУТЕМАСе.[I] По приезде их обступили молодые художники и художницы, угостили кашей, показывали свои рисунки, объясняли их смысл, засыпали вопросами. Владимир Ильич смотрел на жизнерадостные лица молодежи и их радость передавалась ему. Он расспрашивал об их жизни, увлечениях, о том, что они читают. Спросил, читают ли Пушкина. Один из них выпалил: "Нет, он ведь был буржуй. Мы - Маяковского". Ильич улыбнулся. "По-моему, - Пушкин лучше". После этого он немного подобрел к Маяковскому, к поэзии которого он относился с недоверием. При этом имени ему вспоминалась вхутемасовская молодежь, полная жизни и радости, готовая умереть за Советскую власть.[2]

Наблюдая за рождением нового пролетарского искусства, Ленин понимал, что далеко не все в те годы правильно представляли себе пути к этому новому искусству. Деятели культурно-просветительной организации "Пролетарская культура", произнося крикливые лозунги о создании совершенно новой, чисто пролетарской культуры, зачеркивали классику, призывали выбросить за борт все культурное наследие, якобы чуждое рабочему классу. Владимир Ильич Ленин резко выступал против пролеткультовских

I ВХУТЕМАС - Высшие художественно-технические мастерские.

2 Воспоминания родных о В.И.Ленине, стр.I96.

загибов. В знаменитой речи на Ш съезде комсомола он говорил: "Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества... Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которое выработало человечество".[I]

Пролетарская культура, утверждал Ленин, не может возникнуть на пустом месте, она будет развиваться как законная наследница всей предшествующей культуры. Ленин понимал, что ценности старого искусства служат культурному воспитанию людей социалистического общества. И он всеми силами старался сберечь эти ценности для народа. По его инициативе стали пропагандироваться среди широких народных масс произведения русских классиков в музыке, литературе, искусстве.

В первые же годы Советской власти произошли великие перемены в постановке музыкального образования. I2 июля I9I8 года Ленин подписал декрет о Петроградской и Московской консерваториях. Консерватории, прежде целиком зависевшие от содержавшего их императорского Русского музыкального общества, переходили в ведение Наркомпроса наравне со всеми высшими учебными заведениями. Отныне они были открыты для талантливой рабочей и крестьянской молодежи.

Необычайно волнующим свидетельством ленинской заботы о широком распространении музыкальной культуры является история

I В.И.Ленин, Речь на Ш съезде комсомола, т.3I, стр.262.

открытия при содействии Владимира Ильича одной из первых музыкальных школ в Петрограде.

Зимой 1918 г. на Путиловском заводе возникла мысль организовать при заводской школе детскую художественную студию, где дети могли бы заниматься музыкой и другими искусствами. Собрание поручило организацию студии рабочему А.А.Фомину и учителю пения М.А.Плотникову. Делегаты путиловцев обратились за помощью в губернский отдел народного образования. Однако там их не поддержали. За Нарвской заставой трудно было найти подходящее помещение. У завода не было транспорта для перевозки роялей. Достать топливо было очень трудно. Эти трудности, видимо, испугали руководителей Петроградского отдела народного образования. Путиловцы, получив отказ в губоно, решили идти в Смольный к Ленину.

В кабинете Ленина шло заседание, но, услышав доносящиеся из приемной голоса, Владимир Ильич вышел, увидел путиловских делегатов и пригласил их войти. Делегаты рассказали Ленину о своей беде. И Владимир Ильич понял их. "Вы слышите, что путиловцы хотят? - обратился товарищ Ленин ко всем, кто был в его кабинете. - Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: "Подождите годик!" Никаких промедлений, студию надо организовать".[I] Ленин тут же принял меры, чтобы помочь путиловцам всем необходимым. Так было положено начало существованию заводской художественной студии для детей, преобразованной в первую музыкальную студию Ленинграда.

[I] А.А.Фомин, Таким был наш вождь, Ленин - товарищ, человек, стр.139.

Несмотря на всю свою занятость, Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов.

Так, когда белогвардейцы артиллерийским огнем разрушили Ярославль, он принимал самое горячее участие в восстановлении этого старинного русского города. Была организована специальная комиссия, которая приводила Владимира Ильича в отчаяние своей медлительностью. Он хотел, чтобы во что бы то ни стало были восстановлены ярославские древние церкви, которые представляли собой памятники старинного русского зодчества. Когда ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других старинных русских городах пытались разрушить церкви, он немедленно рассылал телеграммы, запрещая это делать, вызывал представителей местных властей, разъясняя им значение исторических памятников. После переезда правительства в Москву Ленин совершил длительную прогулку по Кремлю, подробно осматривал он здания, дворцы, боярские терема, прошелся по стенам Кремля, подходя к каждой башне и интересуясь их состоянием. Одна из башен была разбита артиллерией, когда пришлось выживать юнкеров из Кремля. Ленин распорядился ее отремонтировать, а также осмотреть и другие башни. Затем последовало его личное распоряжение о реставрации храма Василия Блаженного.

Единственное, что Владимир Ильич нашел нужным удалить из Кремля, - это памятник Александру II. Ему хотелось, чтобы на том месте был поставлен памятник Льву Толстому, обращенный лицом к Успенскому собору, где его отлучали от церкви.

3 июня 1918 г. В.И.Ленин подписал декрет о национализации Третьяковской галереи, а 19 декабря - постановление о национализации художественных собраний А.Морозова, И.Остроухова и В.Морозова.

Москву он предлагал украсить многочисленными памятниками выдающимся революционерам, общественным деятелям, представителям литературы и искусства. "Когда он составлял список этих памятников, то прежде всего назвал имена Маркса и Энгельса, а затем вспомнил и Л.Н.Толстого, и Марата, и парижских коммунаров, и Ломоносова, и Робеспьера, и Герцена, и Бакунина, и Сковороду, и Пушкина и многих-многих других деятелей России и Западной Европы".[I] Владимир Ильич проявлял большую заботу обо всем, что связано с нашей историей.

Ленин придавал огромное значение украшению городов. Он мечтал о том, что все наши города украсятся, зазеленеют, будут иметь всюду и везде парки и площади, на которых могли бы гулять и отдыхать массы народа. Его привлекала радость жизни, но он терпеть не мог ни малейшего отклонения от естественности - в какое-нибудь уродство, в декадентщину, в извращенность. Бонч-Бруевич вспоминает, как Ленин негодовал, когда какая-то декадентская группа, допущенная в то время Наркомпросом к украшению улиц, раскрасила стволы деревьев Александровского сада в разные цвета. "Кто разрешил, кто позволил это издевательство над деревьями Александровского сада, которые окрашены в фиолетовый, красный и

I В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.406

малиновый цвета?"[1] - негодовал Ленин. Увидев, однажды, у мясницких ворот в Москве памятник, выполненный в кубистских формах, Владимир Ильич пришел в негодование и стал говорить о том, что это прямое издевательство, искажение той идеи, которая дана Наркомпросу и Моссовету.

"Как можно было допустить, чтобы эта декадентщина была возведена на наших пролетарских улицах? - говорил Владимир Ильич. - Кому нужны эти формы, которые зрителю ничего не говорят?"[2]

В городах Владимира Ильича всегда отталкивала казенщина, схематичность домов, которые не привлекают своей внешностью. Он говорил, что жилище человека должно быть прекрасно и удобно построено и вместе с тем нарядно и красиво снаружи.

Говоря о путях развития советской культуры, Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, - сказал он, - исходить из прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества".[3] Он учил, что литература и искусство должны быть тесно связаны с жизнью народа, глубоко, правдиво и в совершенной художественной форме отображать действительность, нести в широкие массы передовые идеи, идеи коммунизма, воспитывать нового человека, звать трудящихся на борьбу за светлое будущее.[4]

Ленин непримиримо относился ко всему чуждому, мешавшему развиваться, двигаться вперед. Будучи горячим сторонником правдивого реалистического искусства, он решительно отвергал всякие

---

1 В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.409.
2 В.Д.Бонч-Бруевич, Воспоминания о Ленине, стр.408
3 И.В.Жолтовский, В 1918-м, Ленин - товарищ, человек, стр.131.
4 В.И.Ленин, Биография, стр.512.

формалистические выкрутасы, искажающие действительность, чуждые и непонятные массам. Формалистические ухищрения претенциозных и невежественных поборников так называемого "нового искусства" не имели ничего общего с марксистской эстетикой и шли вразрез со вкусами Владимира Ильича. Преклонение перед новым только потому, что оно "новое" Ленин называл бессмыслицей и говорил, что в этом много лицемерия и бессознательного почтения к художественной моде, господствующей в буржуазном мире.

Он требовал создания идейно выдержанных и высокохудожественных образцов искусства, понятных народу и отвечающих его здоровым эстетическим запросам.

В беседе с Кларой Цеткин Ленин говорил: "Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их".[I]

[I] К.Цеткин, Воспоминания о Ленине, М.,I955, стр.I4,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутренняя красота человека может воздействовать на сознание людей так же, как и его идеи. И прежде всего это применимо к Ленину, к его личной жизни, быту, характеру.

В истории можно найти немало замечательных людей, чья личная жизнь тускла и обыденна по сравнению с их общественной деятельностью. Воздавая должное государственному, военному, или иному таланту "великого человека", общество снисходительно прощало ему ординарность, а то и некрасивые черты характера, поведения в быту: что поделаешь - "общечеловеческие слабости".

Ленину не требовалось ничего прощать. Обаятельностью своей личности, гармонией в убеждениях, вкусах и склонностях, симпатиях и антипатиях, привычках и быту - во всем Ленин был безупречен.

Простота и скромность ленинского быта - не искусственное, надуманное, выставленное напоказ в назидание другим. Это величие и простота гения, школа трудовой, временами суровой жизни революционера - коммуниста и, безусловно, дань трудному времени первых лет нового мира. Личность Ленина неотделима от его общественной деятельности. "Не замечательно ли, что в поступках, даже сугубо личного характера, он спрашивал себя: "А что скажут об этом рабочие?"[I]

Пролетарская коммунистическая мораль выдвинула перед революционерами новые требования: у них не должно быть противоречия между общественной и личной жизнью. Со своих политических руко-

---

[I] А.Ф.Логинов, Вечный пример, стр.30.

водителей революция спрашивала очень строго. Они должны обладать не только определенными деловыми качествами, но и своими убеждениями, всем своим духовным, нравственным обликом - всегда и везде быть образцом и примером: ведь коммунисты вели массы на "последний решительный бой". Быть на высоте этих требований значит быть настоящим коммунистом. Таким коммунистом был Ленин.

Мы живем не в столь суровое и трудное время, в какое жил Владимир Ильич. Подавляющее большинство нашего народа уже не испытало, что такое капиталистический гнет, что значит не иметь работы, что такое моральное унижение за право жить. Может быть, поэтому встречаются люди, по мнению которых "за границей все лучше", чем у нас". И, что греха таить, есть еще у нас определенная категория людей, даже с партийными билетами, в деятельности которых личные интересы преобладают над общественными. В поле зрения нашей печати нередко попадают некоторые наши современные руководители, которые, используя свое служебное положение, много энергии уделяют приобретению собственной автомашины, строительству индивидуальной дачи, получению большой квартиры с удобствами вне всякой очереди, не брезгуя при этом запустить руку в общественный карман. Стараются, как метко говорят в народе, "побольше нахапать, поменьше отдать". А бюрократизм и волокита, равнодушие к нуждам трудящихся, проявления крайнего индивидуализма до сих пор еще не лишены прописки в нашем обществе.

Все это тормозит развитие нашего социалистического общества, является препятствием на пути строительства коммунизма. Поэтому и в наши дни велико значение личного примера на окружающих. Каждый коммунист, каждый руководитель, каждый наш человек обязан в своих поступках исходить из Ленинского "а что об этом скажут рабочие?"

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В.И., Письма к родным I893-I922 гг., соч.,изд.4, т.37

Ленин В.И., Речь на Ш съезде комсомола, соч., т.3I

Ленин В.И., Биография, М.,I960.

Ленин В.И. и Горький А.М., Письма, воспоминания, документы,М.,I969

Бонч-Бруевич В.Д., Воспоминания о Ленине, М., I968

Бобровская (Зеликсон) Ц.С., Страницы из революционного прошлого,

Воспоминания о В.И. Ленине, т.2, М.,I969.

Веретенников Н.И., Володя Ульянов, М., I957

Воспоминания родных о В.И.Ленине, М.,I966

Горький А.М., В.И.Ленин, М.,I966

Герцог В., Русская записная книжка, "Новая и новейшая история", I970, № 2.

Горбунов Н., Как работал Ленин, М., I959

Гиль С.К., Шесть лет с В.И.Лениным, М., I957

Кржижановский Г.М., О Владимире Ильиче, Воспоминания о В.И. Ленине, т.2, М.,I969

Карпинский В.А., Ленин - вождь, товарищ, человек, М.,I967

Краснов И.М., Миссия У.Буллита в Советскую Россию и беседа Л.Стефенса с В.И.Лениным, "Новая и новейшая история", I970, № 2

Костин Н., Из новых воспоминаний о Ленине, М.,I968

Коммунизм - великое созидание, "За рубежом", I970, № I6.

Крупская Н.К., Воспоминания о В.И.Ленине, М.,I968.

Крупская Н.К., Наш самый лучший друг, Петрозаводск, I969

Лепешинский П.Н., На повороте, М., I955

Лепешинский П.Н., На рубеже двух веков, Воспоминания о В.И. Ленине, т.2, М.,I969.

Лядов М., Он прежде всего - человек, Вечно живой, М.,I965

Ленин и международное рабочее движение, М.,I954

Ленин - товарищ, человек,Сборник документов, М.,I968

Логинов А.Ф., Вечный пример, М., I963

Мальков В.Л., Раймонд Робинс открывает новый мир, "Новая и новейшая история", I970, № 2

Мещеряков Н.Л., Из воспоминаний о Ленине, Воспоминания о В.И. Ленине, т.2, М., I969

Руднев Д., Дмитрий Ильич Ульянов в Тарту, Таллин, I959

Сталин И.В., О Ленине, Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января I924 г., Воспоминания о В.И.Ленине, т.2, М.,I969.

Стасова Е.Д., Учитель и друг, Воспоминания о В.И.Ленине, т.2, М., I969

Семашко Н.А., Незабываемый образ, Воспоминания о В.И.Ленине, т.2, М., I969

Фусэ Э.К., Стратег революции, "За рубежом", I970, № I6

Цеткин К., Воспоминания о Ленине, М., I955

Шагинян М.С., Четыре урока у Ленина, М., I969

Эссен М.М., Встречи с Лениным, Воспоминания о В.И.Ленине, т.2, М., I969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ..... стр. 2

Глава I Был он прост и прям стр.8

Глава II Ленин - боец, труженик, трибун ..... стр. 26

Глава III Самый человечный человек ..... стр. 44

Глава IУ Как отдыхал Ильич ..... стр. 7I

Глава У Искусство в жизни Ленина ..... стр. 85

Заключение стр.II3

Литература стр.II5